

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия. № 57

В 45
396

Не копировать

А Н Д Р Е Й Б Е Л Ы Й

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

1-74
13697
НА ОТВ.

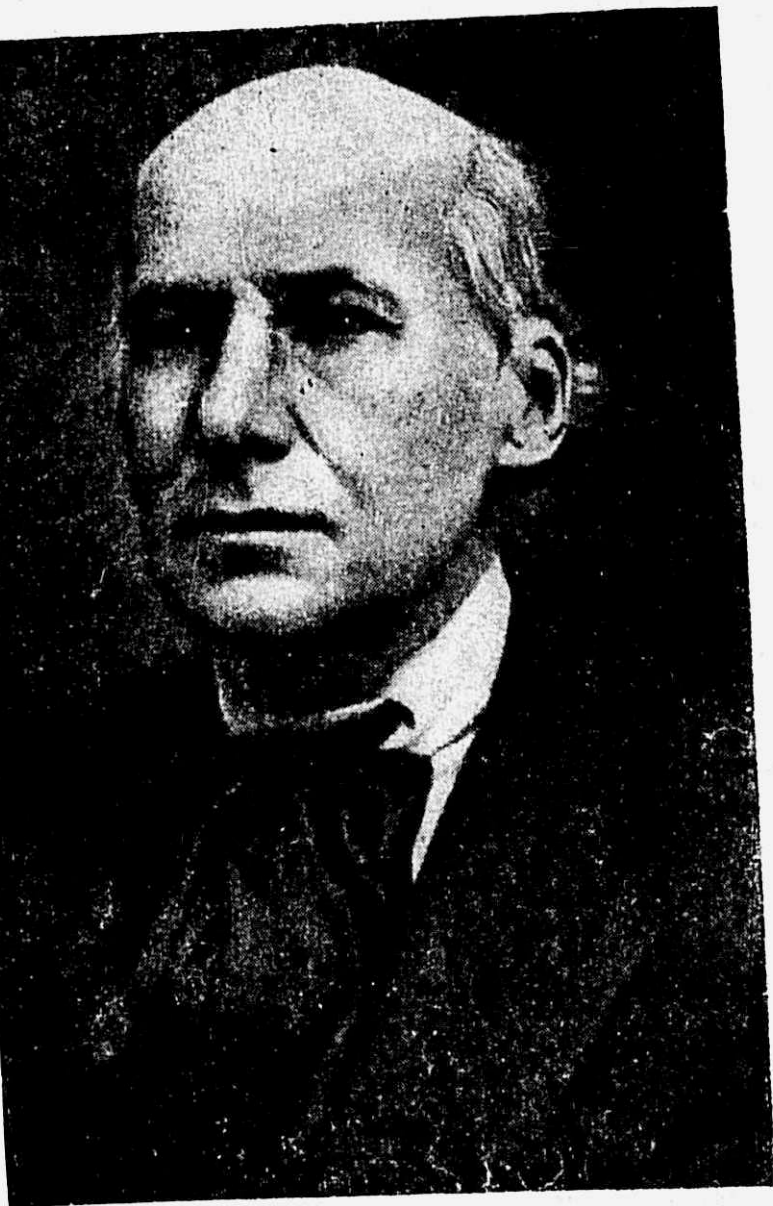
801-16

1051

Вступительная статья,
редакция и примечания
П. Вольпе

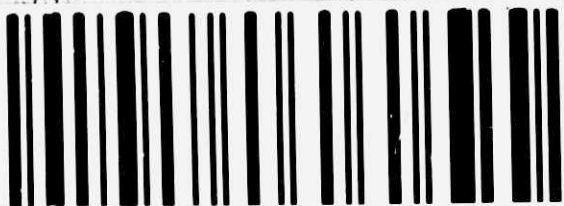
ЛЕНИНГРАД
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1940

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

14904-40

2007336464

НА ОТВ.

О ПОЭЗИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

1

Андрей Белый — литературное имя прозаика, поэта, критика и теоретика литературы, одного из виднейших представителей русского символизма — Бориса Николаевича Бугаева.

Родился Белый 14 октября 1880 года. Родители оказали глубокое влияние на формирование личности Андрея Белого. Его отец — Николай Васильевич Бугаев — профессор физико-математического факультета Московского университета, известный русский математик, привил сыну и интерес к точным наукам, и свои тяготения к философскому творчеству, и, одновременно, идеалистическое направление философских устремлений. Параллельно влиянию отца шло влияние матери — Александры Дмитриевны (урожд. Егоровой). Мать Белого — музыкантша-пианистка — привела его в мир классической музыки, открыла ему великих европейских композиторов XIX столетия (Бетховена, Шуберта, Шуберта, Грига и др.).

3

У проф. Бугаева были широкие дружеские связи в среде московской профессуры. Быт семьи Бугаевых — это быт русской профессорской семьи последней четверти XIX века. В воспоминаниях Белый пишет о своем детстве: «„Боренька“ обглядывал быт верхов ученой интеллигенции, среди которой встречались имена европейской известности (были и люди крупного размаха в разрезе личной жизни); но социальный уровень коллектива, средняя его, был потрясающе низок».

В 1891 году Белый был отдан в гимназию Льва Поливанова.

В последних классах гимназии он много и с увлечением читает. Наряду с чтением книг позитивистов и книг по теории естествознания Белый увлекается и древней индусской философией. Он подпадает под влияние шопенгауэровского пессимизма. В 90-е годы пессимизм Шопенгауэра явился философским знаменем тех слоев идеалистически настроенной русской интеллигенции, которые, находясь в стороне от революционного движения, переживали безвременье.

В 1899 году Белый окончил гимназию и поступил, согласно желанию отца, на естественное отделение физико-математического факультета. Окончил он естественное отделение в 1903 году. «За время прохождения курса естественных наук, — пишет Белый в «Автобиографической справ-

ке», — окончательно определяется мой интерес к философии и эстетике; я решаю поступить на филологический факультет». На филологический Белый поступил в 1905 году, но оставил его, не окончив.

В формировании мировоззрения и литературных взглядов Белого решающее значение имело его сближение с М. С. Соловьевым, его женой Ольгой Михайловной и с их сыном Сергеем, товарищем Белого по гимназии. У Соловьевых Белый встретился и с братом М. С. — философом Вл. Соловьевым. Соловьевы познакомили Белого и со стихами их родственника Александра Блока, ставшего вскоре ближайшим другом Белого. Именно приверженность к воззрениям Вл. Соловьева и была той общей почвой, которая делала сходными и близкими позиции Белого и Блока в самом начале их творческого пути, еще до их фактического знакомства и сближения.

Философия Вл. Соловьева, сыгравшая значительную роль в формировании эстетики русского символизма, открывает новый этап в развитии Белого. Эта философия представляла собой мистическое учение о двойственности мира. Вл. Соловьев, вслед за Платоном, рассматривал поэзию как особый путь проникновения сквозь окружающую человека действительность в «идеальную сущность мира», которую он называл «Душою Мира —

Вечной Женственностью». Этот взгляд Вл. Соловьева на назначение поэзии и на роль поэта и стал исходным положением для теоретических построений и для творческой практики Белого («Симфонии») и А. Блока («Стихи о Прекрасной Даме»).

Говоря о значении этих идей Вл. Соловьева, восходящих к платоновскому идеализму, для истории русского символизма, следует точно определить особенности русского символистского движения. Возникнув под влиянием новых течений европейского искусства той эпохи, русский символизм отразил в себе своеобразие русской культуры эпохи империализма. Этим объясняется, что в русском символизме оказались объединены и мистики-соловьевцы (Блок, Белый) и рационалисты Брюсовского типа.

Реакционная роль русской буржуазии заставляла лучших представителей этого класса тяготиться своим социально-ограниченным существованием и порождала разлад этих людей со своей средой. Наиболее значительные представители этой литературной культуры сумели выйти на дорогу революции, сумели подняться до понимания общенародных задач искусства и примкнули к социалистической революции. Конечно, самый путь этих лучших представителей дворянско-буржуазной интеллигенции в сторону революции был различен, в зависимости от степени их

связи с той социальной средой, которая их сформировала.

И, говоря об Андрее Белом, нужно подчеркнуть, что он был наиболее глубоко связан с идеалистическим существом мировоззрения символизма. Поэтому путь к социализму оказался для него наиболее трудным и сложным. Приняв социалистическую революцию в 1917 году, Белый в философских основах своего мировоззрения до самой смерти остался связан с идеалистическим мирозерцанием того основного крыла русского символизма, теоретиком которого он был в дореволюционную эпоху.

В 1902 году вышла первая книга Белого «Симфония (2-я, драматическая)». Всего Белый написал четыре «Симфонии»: 1-ю — героическую — «Северную Симфонию» (написана в 1900 г.); 2-ю, драматическую (1901); 3-ю — «Возврат» (1902) и 4-ю — «Кубок метелей», над которой он работал с 1902 по 1907 год. Своими «Симфониями» Белый сразу же занял место крупнейшего представителя русской символической прозы, писателя-новатора, чьи эксперименты имели программное значение для всего движения русского символизма. Все «Симфонии» представляют собой развитие единого круга интересов и, в известной мере, единого круга тем. Возникли они в той идейной атмосфере, в которую Белый попал в кружке М. С. Соловьева. В мемуа-

рах Белый прямо пишет: «Я заговорил на жаргоне квартиры; жаргон оформил и заострил: вышел язык „Симфоний“». Мистико-романтическая философия Вл. Соловьева была их истоком.

Свое романтическое стремление выйти за пределы окружающей действительности Белый выражает посредством обращения к музыке, считая, что музыка полнее всего передает его ощущение мира. Такое понимание роли музыки характерно для символистов.

А. Блок писал Белому 9 января 1903 года по поводу статьи Белого «Формы искусства» о значении музыкального восприятия действительности для эпохи символизма: «Наши времена поэзии ощутили как никогда, до пророчесственного прозрения, двойственную природу вселенной, и именно ощутили музыкально, путем все большего отрицания пространственных образов и все большего прислушивания к „ритму“». И повествование в прозе у Белого подчинено законам музыкальной композиции. Принцип симфонии — большой музыкальной формы, каждая из частей которой разрешает общую тему не в ее логическом развитии, но в раскрытии психологических состояний, объединяемых в целое протеканием смысла и соотношением частей — Белый положил в основу построения своих «Симфоний». Музыкальность прозы Белого имела обоснование в ее романтическом характере.

Эта музыкальность делала его прозу особым жанром лирики. Вот почему естественно для Белого соединение работы над созданием музыкальной прозы с разработкой им особых форм лирического стиха.¹ Здесь мы подошли к «Золоту в лазури».

2

Белый рано начал писать стихи. Первый его сборник «Золото в лазури», включивший стихи 1898—1903 годов, вышел в 1904 году.

Об этом сборнике впоследствии Белый отзывался резко отрицательно. В 1931 году, в предисловии к изданию своих стихотворений, пересматривая свои старые стихи, Белый писал: «Если бы я мог собрать иные из моих книг стихов, я бы их сжег... Особенно беспокоило меня «Золото в лазури» нищенской формой стихов... нечеткость ритмов, безвкусие образов, натянутость рифм. Между тем задание было оригинально: любители моих стихов этого периода поверили мне «в кредит», расслышали намерение сквозь тяжелые кляксы пера, его заляпавшие».

Незадолго перед смертью Белый радикально переработал «Золото в лазури» для своего предполагаемого собрания стихотво-

¹ Характерно, что в его первом сборнике стихов «Золото в лазури» был целый отдел лирической прозы.

рений. Однако самый характер критики Белым ранней редакции «Золота в лазури» и характер переработки им стихотворений этого сборника показывают, что Белому в последние годы его жизни был неясен смелый новаторский смысл его сборника, ибо то, что он принимал за «кляксы пера», — на самом деле было оригинальными особенностями стиля этой книги, имевшими большое значение для развития русской дореволюционной поэзии. Поэтому обращаюсь непосредственно к анализу «Золота в лазури» редакции 1904 года.

Очень характерно, что первоначально Белый не думал придавать заглавию этого сборника («Золото в лазури») символический смысл (см. предисловие к «Урне», 1909, стр. 11). О значении этого заглавия он писал в мемуарах: «Стоя посреди горбатых равнин [в деревне, в июле 1903 года. — Ц. В.] и ища забвения, я часами изучал колориты полей; и о них слагал строчки; книгу же стихов назвал «Золото в лазури», «золото» — созревшие нивы; «лазурь» — воздух». Уже из этого истолкования заглавия видно, что в основе книги лежало импрессионистическое восприятие мира.

Основное, что сразу же отличает эту книгу, — это нарядность и красочность стихов, сама природа выступает здесь в какой-то аффектированной яркости своих цветов, и солнечные лучи обливают своим

золотом весь мир. В этой лихорадочной красочности заметно глубокое вглядывание в оттенки зрительных впечатлений, в оттенки освещения ландшафта, в оттенки атмосферы. В мемуарах Белый сам рассказал об особенности своих пейзажей: «Я вглядывался в облака, в небо, в нивы; меня волновали оттенки воздушных течений; «мистический» стиль описания поля, ветров, облаков — итог тщательного изучения оттенков и переживание всех колебаний барометра». Здесь в этих словах изложены принципы импрессионистической эстетики раннего Белого. И тем не менее «Золото в лазури» не только импрессионистическая, но прежде всего символическая книга. Импрессионистические пейзажи в ней имеют символический смысл. Ср., например, знаменитые стихи, в которых солнце оказывается «золотым ананасом». Импрессионистическое видение солнцем «золотого ананаса» оказывается пейзажной символикой, в которой Белый превращает ананас в лучащееся светило.

«Золото в лазури» и разрабатывает средствами импрессионистической пейзажной символики ряд тем, тесно связанных с романтическими идеями Вл. Соловьева. Сборник открывается романтическими предчувствиями поэта (тема «Зорь!») и его устремленностью к свету, к солнцу. Поэт представляет себя аргонавтом, отправляющимся к солнечным лучам, за ле-

гендарным мифологическим «золотым руном», под которым подразумевалось стремление Белого и всего крыла символистов с ним связанного (Блок и др.), к какой-то неясной лучшей действительности, воспринимаемой ими в мистическом плане. Вот, например, стихи о «Золотом руне»:

Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

...«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!...»

Один из друзей Белого тонко охарактеризовал эту светлую неопределенную устремленность ранних произведений Белого. Он сказал Белому: «Ваш лейтмотив — прилагательные, как в «Симфонии» фраза: «Невозможное, грустное, милое, вечно старое и новое: во все времена...» А где существительное? его нет: вы — найдите его».

Еще отчетливее мистико-символический смысл своего «аргонавтизма» Белый раскрыл в письме к Брюсову от 17 апреля 1903 года: «Когда, — писал Белый, — к Степану Разину пришли, чтобы исполнить приговор, он нарисовал лодочку на стене и, смеясь, сказал, что уплывет на ней из тюрьмы. Глупцы ничего не понимали, а он знал, что делал. Можно всегда быть ар-

гонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец — броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности — к солнцу — золотому руну».

Поэт приходит передать людям свое стремление к солнцу и чувствует себя пророком, возвещающим миру новую правду. Эта тема пророка, непонятого людьми, является одной из центральных тем сборника. Но оказывается, что «пророк» — это «безумец», «дурак», «сумасшедший» (а впоследствии пророк окажется «паяцем» и «арлекином»). В разработке этой темы поэта-пророка Белый уже намечает в «Золоте в лазури» то осмеяние романтической мистики, которое впоследствии дано Блоком в «Балаганчике».

В поисках идеального мира Белый обращается и к прошлому, к «старине, обывшей нас мировым», к идеализации патриархальной старины. Так возникает в «Золоте в лазури» тема стилизаций. Отталкиваясь от любования стилизованным XVIII веком, Белый создает картины, параллельные живописи художников «Мира искусства» Борисова-Мусатова и Сомова. Впоследствии от этих стилизаций Белого пойдет целая струя в символистской поэзии и прозе (М. Кузмин и др.). Но и стилизованная старина у Белого дана в столкновении с современным бытом. Благодаря

этому современный конкретный быт, врываясь в «идиллию», разоблачает кукольность стилизованного благополучия. Характерно, что Белый придумал было для этого отдела заглавие «Парики и пиджаки», своей прозрачностью иронически высмеивающее эти стилизации.

Обращаясь к «идеальной старине», Белый строит отдел «Образы», в котором создает некий идеальный «золотой век» с доисторическими легендарными существами. В них можно увидеть параллели к мифологическим стилизациям, характеризующим искусство буржуазного модерна (Беклиновские кентавры и т. п.). Но поэт раскрывает, что эти его мифологические образы — просто игра глаза, мифологизация видимой природы (облака превращаются в кентавров, дельфинов и т. п.).

Таким образом, во всей книге быт, столкнутый с романтическими темами «Золота в лазури», создает их ироническое переосмысление. Раскрытие тем «Золота в лазури» осуществляется и как их романтическое утверждение и как их сатирическое осмеяние. Получается двойное видение вещей, в аспектах идеальном и комическом. Получается ирония и над поэтом. См., например, стихотворение «Безумец».

Это двойное видение мира в «Золоте в лазури» определяет стиль сборника: в стихах «Золота в лазури», выросших из ро-

мантического идеализма и отмеченных влияниями поэзии Вл. Соловьева, Бальмонта, раннего Брюсова, Жуковского, — проступают куски, предвосхищающие сатирическую бытовую «балладу» 1906—1913 годов, такую, какую она была представлена в «Сатириконцев». Ср., например, с сатирическими бытовыми балладами Саши Черного следующие стихи из «Золота в лазури»:

Я встревожен назойливым писком:
подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

(«Весна»)

Созданный Белым в «Золоте в лазури» свободный стих несомненно в известной мере подготовил и раннюю сатирическую поэзию Вл. Маяковского. В своей «Автобиографии», написанной уже после революции, в 1922 году, Маяковский вспоминал о своем впечатлении в юношеские годы от задорной, веселой новаторской смелости стихов «Золота в лазури»: «Ведь вот, — рассказывает он о своих юношеских чувствах, — лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело — в небеса запустил ананасом». В этом «весело — запустил в небеса ананасом» есть то же свое осмысление Маяковским центральной темы Белого, которое проходит и через «Облако в штанах» — в цикле идей («Я обсмеян-

ный у сегодняшнего племени... Вижу идущего через горы времени» и т. п.), разрешающихся разгромом рая («Крыластые прохвосты! Жмитесь в рай!» и т. п.). В той же «Автобиографии» Вл. Маяковский отмечает и свой интерес к формальному новаторству Белого: «Перечел, — пишет он себе начала 1909 года, — всё новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобраны формальная новизна. Но было чуждо. Темные образы не моей жизни».

Маяковский действительно испытал юности влияние стихов Белого. К Белому восходят два важные «конструктивные принципа поэзии Маяковского: ритмическая акцентировка слов, выделенных в отдельную строку, и общая приподнятость интонации, основанной на контрастных столкновениях трагического пафоса, иронии и лирики». ¹ Предвосхищают Маяковского и такие особенности стиха «Золота в лазури»: как составные рифмы (в частности, и возмущавшая впоследствии Белого его же рифма: «валькирия» и «бросаю гири я»).

И действительно, в «Золоте в лазури» Белый создал для выражения своеобразного содержания сборника новую форму лирического стиха (свободный стих), в котором широко применены ритмическое выделение фраз и слов в строки разной величины.

¹ В. Тренин и Н. Харджиев, Поэзия раннего Маяковского, «Литературный критик», 1935, кн. 4, стр. 177.

перебои ритма, разнообразные разговорные и мелодические интонации, делающие стих послушным орудием для выражения самых различных душевных состояний.

Эта новая форма свободного стиха произвела огромное впечатление на всю русскую поэзию середины 1900-х годов.

Ср
ор

3

Новая эпоха в жизни и творчестве Белого открывается стихами 1904 года, вошедшими впоследствии в его сборник «Пепел» (1909).

«Пепел» от стихов «Золота в лазури» отделяет эпоха подготовки революции 1905 года. Исторические события, приведшие русский народ к революции 1905 года, разрушили у крупнейших символистов, прошедших через соловьевство (Блок, Белый), наивную целостность их мистико-романтического мировоззрения и повели их к пониманию реальной действительности России. Это развитие их общественного сознания определило их дальнейшие писательские пути, открыв Блоку дорогу к «Нечаянной радости» и «Балаганчику», Белому — к «Пеплу».

Пересматривая «Пепел» в 1928 году для переиздания, Белый поразился, в какой степени его лирика в «Пепле» отражает социальную трагичность времени, ее

породившего («Пепел», 1929, стр. 1). В «Пепле» не только отразились темы революционных событий 1905 года (см., например, стихотворение «Похороны», вызванное несомненно похоронами Баумана), но отразилось и все своеобразие той сочувственной по отношению к революции 1905 года позиции, которую занимал Белый в эти дни.

Революцию 1905 года Белый пережил в Москве, он был свидетелем подъема революционного движения, героической обороны Пресни и наступившей вслед затем расправы реакции над революционерами. Сразу же после этого он попал в литературные круги «либеральной общественности» Петербурга, в среду посетителей религиозно-философских собраний. Сытое благодущие буржуазно-дворянских литераторов произвело на него впечатление преступной бестактности и непонимания того, что этот порядок уже обречен на гибель. Эти настроения нашли отражение в его стихотворении «Пир». Пир — есть пир «над бездной»:

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:

«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшейся бездной»

и т. д.

Здесь есть очевидная аналогия к стихотворению Брюсова «Грядущие гунны», в кото-

ром Брюсов приветствовал революцию, грядущую уничтожить и его самого вместе с обреченной господствующей культурой.

Вот почему в «Пепле» — книге, связанной с темами революции, — тема города разработана Белым не столько в плане традиционного в России после Верхарна урбанизма (город-спрут), сколько именно в разрезе раздирающей город социальной борьбы. Вырождающийся мир буржуазно-дворянской культуры — с одной стороны, и революционер рабочий — с другой, — вот символы «города» Белого (см., например, «Похороны», «Пир» и др.).

В «Между двух революций» Белый писал: «Шесть лет с середины девятьсот пятого года до конца девятьсот десятого — есть прохождение сквозь омут человека, засосанного им; прохождение через годы реакции, через горчайшие испытания личной жизни, через разуверенье в людях, через картины ужаса и бреда, в которых отразилась мне роль крепнущей буржуазии, влекущей судьбы народа к бессмыслию мировой бойни, через картины растления неустойчивых слоев интеллигенции в огарочничестве, в душной наркотике эротизма».

«Пепел» открывается серией стихов посвященных «родине-матери» и ее сложной судьбе. Одну за другой изображает Белый картины русской действительности эпохи реакции:

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни
и т. д.

изображает и безвыходную долю бедняка
в царской России:

Ждут: голод да холод — ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

Первое же стихотворение «Пепла» «Отчаяние», начинающееся стихом: «Довольно: не жди, не надейся», вводит в понимание тона всего сборника. В предисловии к 1-му изданию «Пепла» (1909) Белый писал: «Да и жемчужные зори, и кабаки, и буржуазная келья, и надзвездная высота, и страдания пролетария, — всё это объекты художественного творчества... Действительность всегда выше искусства... Смерть и разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры. Лейтмотив сборника определяет невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию». Белый верно определил содержание «Пепла». Для сборника характерно именно настроение общественного пессимизма и отчаяния, ощущение

столыпинского режима как воцарившегося кабака и похабства, ощущение «вставшей над страной Смерти».

Характерно, что первоначально сборник был озаглавлен Белым: «Тоска по доле», потом переименован в «Пепел» и что в 1917 году, проектируя переиздание, Белый предполагал озаглавить этот цикл стихов: «Россия».

И принципиальное значение для сборника имеет программное посвящение «Пепла»: «Посвящаю эту книгу памяти Некрасова» и следующий за этим посвящением эпиграф ко всей книге из стихов Некрасова:

Что ни год — уменьшаются силы.
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей
и т. д.

Эта программная ориентация Белого на передовую демократическую гражданскую поэзию представляла собой разрыв с эстетическими предрассудками раннего символизма. Впечатление от нового направления поэзии Белого в кругах символистской интеллигенции было огромно. В новых стихах Белого нельзя было не видеть прямых отголосков революционных настроений 1905 года.

Господствовавшая критика была шокирована резкой политической «тенденциозностью» «Пепла». О лирике Белого

буржуазно-либеральные критики писали, что это не стихи, а антихудожественная противоправительственная публицистика, изобличающая «дурных городских».¹ Даже недавние друзья «соловьевцы» были смущены полным забвением религиозной тематики. «Андрей Белый, — писал С. Соловьев в «Весах»,² — идет за Некрасовым в изображении скорби народной. В безотрадных красках является ему Россия... Характерно, — пишет рецензент, — что поэт видит в России всё, что видел Некрасов, всё, кроме х р а м а... «Скудного алтаря», «дяди Власа», «апостола Павла с мечом» нет в книге Андрея Белого. Правда, есть дьякон, но:

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!»

и кончается эта рецензия прямым предостережением: «...будущая его книга может быть только «о боге угнетенных, боге скорбящих, боге поколений, предстоящих перед этим скудным алтарем». Без этого бога и Россия, и народность, и наша личность могут быть только горстью „Пепла“».

Таким образом «Пепел» представляет собой как бы отрицание того пути, которым

шел Белый в раннем творчестве. Соловьевская мистика в «Пепле» отброшена, и ее место заступило открывшееся Белому реальное лицо русской жизни. Поэт с ужасом смотрит на выросший перед ним «бред капиталистической культуры». Спасения он ищет в бегстве к народу.

К какому народу?! «Страдающий пролетарий» для Белого и сам — жертва наступившей реакции, революция разбита, город — во власти глухой эпохи. И Белый «бежит» из города в «природу», в «просторы» российской деревни (см. у него «Я просторов рыдающий сторож», а также тему бегства в «Пепле»). «Темы «Пепла», — говорит Белый в мемуарах, — мое бегство из города в виде всклокоченного бродяги, грозящего кулаком городам, или воспевание каторжника; этот каторжник — я... Тема бегства в поля от всех и вся стоит надо всей поэзией «Пепла» или эпохой 1904—1908 годов... и кончается эта лирика тоски и убега, уже в 1908 году, угрозами по адресу праздно болтающих:

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипли, неизвестность,
К их окнам ночью злой!»

«Пепел» и раскрывает историю этого бегства от капиталистической культуры к природе, в деревню. Спасение в народе — такова исходная тема «Пепла».

¹ См., например, А. И з м а й л о в, Помрачение божков и новые кумиры, М., 1910, стр. 4 и 48.

² «Весы», 1909, кн. 1, стр. 86.

(Не следует, конечно, видеть в этом «бегстве» прямой биографический смысл. В это именно время А. Белый уехал в большое заграничное путешествие и долго жил, в 1906 году, в Мюнхене и Париже, где и написал большую часть стихов «Пепла».)

С этим принципиальным обращением Белого к деревне и к деревенской культуре связаны и те новые искания стиля, которые отличают «Пепел». Для стиля «Пепла» характерно обращение к народной культуре и использование фольклорных форм поэзии.

Этим объясняется и введение в «Пепел» форм народной песни (Камаринской и др.). Обращение к народной поэзии сказалось в «Пепле» и в резкой демократизации словаря и быта, в появлении ряда выражений крестьянского просторечия.

Наконец, новое стилевое своеобразие «Пепла», связанное с фольклорными формами гражданской поэзии Некрасова, привело и к дальнейшему раскрепощению стиха, ритма, рифмы. Появляются рифмы, которые впоследствии получили такое широкое применение в стихе Маяковского (см. в «Пепле» рифмы вроде «столицу — виселицу» и т. п.). В стихотворениях, построенных на ритмах русских плясок, Белый впервые применил прием фонетической записи интонации, впоследствии широко применявшийся футуристами (особенно

Маяковским). Ср., например, в «Веселии на Руси»:

Д' наплясался
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх —
Людам грех!
Эх — курам смех!

Важно отметить, что в этом использовании интонации фольклорной поэзии как бы предвосхищены отдельные стихи из «Двенадцати» Блока (ср. у Блока: «Эх! Позабавиться не грех!» и т. п.).

Что же видит в деревне Белый?!

«Просторы голодных губерний», «купца» (во 2-м издании — «кулака»), пытающегося купить девушку и убивающего любимого ею паренька (стихотворения «Купец» и «Предчувствие»), мать, выдающую дочь за гнилого уroda-паука (символ России в эпоху реакции), наконец, мертвость собственной жизни (стихи о себе как о мертвецe) и кругом страшное, непроходимое горе, в котором безнадежно завяз человек-«горемыка». Русская деревня эпохи реакции оказалась для Белого ничуть не радостней города. Страшные кабаки и столыпинская кулацкая удавка так же господствовали и в деревне, как и в городе. Всё в России оказывалось отмечено единством страдания. И носителем этого русского страдания Белый предста-

Однако не следует рассматривать «Пепел» вне связи со всем кругом идейных исканий Белого эпохи 1904—1910 годов. «Пепел» характеризует только одну сторону интересов Белого.

В 1904 году начал выходить, руководимый Брюсовым, журнал «Весы» — теоретический орган русского символизма. До самого закрытия «Весов» (1909) Белый выступал одним из основных полемистов и теоретиков журнала, «поливая всех противников картечью» (слова Блока о Белом).

Впоследствии, в своем однотомнике 1922 года, Белый вспоминал с лирической иронией о своей деятельности в эпоху реакции:

По площадям, по городам
С тех пор годами я таскался;
И угрожая дням, годам,
Мой злобный голос раздавался.

Одетый в теневой сюртук,
Обвитый роем меланхолий, —
Я всюду был. . . И был я звук
Неугасимой, темной боли.

Бросал я желчный голос свой
В дома, в года, в пространства, в зоры,
В гром переполненных толпой
Бунтующих аудиторий.

Во всей журнальной полемике Белого, во всем круге проблем, которым посвящены его статьи, собранные им впослед-

ствии в книги: «Луг зеленый» (1910), «Арабески» (1911) и «Символизм» (1911), находила выражение его работа над построением мировоззрения символизма. Он с головой погружается в изучение разнообразной теоретической литературы, изучает философию, социологию, естествознание и т. д., стремясь достигнуть энциклопедического охвата современной культуры.

Рассматривая символизм как художественное мировоззрение, раскрывающее двойственную природу действительности, понимаемую им как противоположность между реальным миром и его идеальной «сущностью», Белый погружается в изучение философской литературы и прежде всего философии Канта и кантианцев с целью почерпнуть в философии аргументы для гносеологической критики действительности. В дуализме Канта Белый искал обоснований кричащим противоречиям действительности и своего сознания, представляя мир прежде всего как раздвоение: реальная жизнь и мистическая «Душа Мира».

Это противоречие, применительно к искусству, для Белого явилось противоположением формы и идеи. Вот почему, выделив в специальную область исследования проблемы технологии и формы (особенное внимание он уделил в своих работах вопросам стиховедения), Белый разработал их и сделал предметом специальных ис-

следований в ряде статей, собранных им в 1911 году в книге «Символизм». Хотя философскими основами этих работ (и кантовский формализм (Кант, Гильберт и др.), эти работы имели в свое время известное положительное значение для развития русской теории литературы, поставив перед нею круг новых проблем технологии стиля.¹

Дуалистическое понимание природы искусства Белый стремился преодолеть в учении о символическом характере искусства. Для него задача творчества — наметать на некоторую идеальную сущность, находящуюся за пределами логического постижения («слова нам кивают помимо своего смысла»).

Исходя эстетику символизма именно как систему взглядов, объединяющих все области человеческой культуры, Белый именно в неокантианстве нашел философию, стремящуюся использовать современные положительные науки (и прежде всего естествознание и математику) и методологию современного научного мышления для углубления философского идеализма.

После революции Белому стал отчетливо ясен схоластический характер его философских исканий этой поры. «Бездна по мере того, — писал он в мемуарах, — как

¹ См. также книгу А. Белого «Ритм как лектика и «Медный всадник». Исследование»

мне выяснялось перенесение против рожна в моей бурной полемике и поднимался звук будующих книг, я... без всякого чувства миссии ходил в философскую говорильню так, как ходят в клуб: сыграть партию в шахматы. Я года присутствовал при съезде Общества любителей одной масти схоластиками другой масти».

Но даже и в годы погружения своего в изучение философского идеализма Белый не утрачивал до конца своего критического к нему отношения. Однако эту критику идеалистической философии он производил не с позиций науки и научного миропонимания, а с религиозно-мистической точки зрения.

Теоретические интересы Белого этих лет нашли отражение и в книге его стихов «Урна». От «Пепла» — с его конкретным бытом, с его картинами русской жизни и общественными проблемами, Белый пришел к «Урне» — книге философской, выросшей из занятий новейшей философией. Этот характер лирики «Урны» (отсюда и обильное использование в «Урне» философских понятий) определил и то, что теперь лирика Белого окрашена влияниями наиболее «философских» русских поэтов — Баратынского и Тютчева.

Пессимизм «Пепла» находит себе в «Урне» философскую параллель. Однако философская абстрактность тематики сказывается и на стиле книги — книжностью,

отвлеченностью, рационалистической сухостью словаря и образов.

Сам Белый чутьем художника не мог не осознавать отвлеченности этого пути и схоластического характера попыток построить мировоззрение только в философских семинарах. Вот почему в «Урне» отчетливо заметна и ирония Белого по отношению к собственным философским занятиям, которые он не случайно изображает на фоне кладбищенского пейзажа:

Уж год таскается за мной
Повсюду марбургский философ,
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

... «Жизнь, — шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Общий характер «Урны» определяет и то, что даже тема личной любовной трагедии, проходящая через этот сборник, приобретает черты «философической грусти» (название отдела в «Урне»):

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ее
Лицо холодное и злое.

В предисловии к «Урне» Белый так характеризовал свой сборник: «В «Урне» я собрал стихотворения, объединенные

общностью настроений; лейтмотив книги — раздумье о бренности человеческого естества с его настроениями и порывами, и думаю, что не случайно все стихотворения этого цикла вылились в ямбах, этой наиболее удобной и разнообразной в ритмическом отношении форме. В отделах «Зима» и «Разуверенья» изображается разочарование в земных страстях, и душа погружается в холод философских раздумий... В отделах «Тристии» и «Думы» собирается последний пепел: пепел хотя и возвышенного до символизма разочарования в жизни, но всё еще разочарования».

Брюсов в статье об «Урне» очень точно определил место этого сборника в развитии Белого-поэта. «„Урна“, — писал он,¹ — книга стихов чисто-лирических... Это непосредственные признания поэта, его исповеди. В предисловии Андрей Белый сам выясняет то настроение, которым проникнута его новая книга. По его толкованию, он в своих юношеских созданиях «до срока»... пытался «постигнуть мир в золоте и лазури» и горько поплатился за свое беззвоние: он был духовно испепелен... страшной тайной, к которой осмелился приблизиться. «В «Урне», — пишет А. Белый, — я собираю свой собственный пепел. Мертвое я заключаю в Урну,

¹ В. Брюсов, Далекие и близкие, 1912, стр. 126—131.

и другое, живое пробуждается во мне к истинному». Может быть, поэт, в своем объяснении, несколько идеализирует [разрядка моя. — Ц. В.] смысл пережитого им, но он прав в том, что стихи «Урны» — это пепел испепеленной чем-то страшным души. Поэзия «Урны» — поэзия гибели, страшного отчаяния, смерти... Новым настроениям соответствует и совершенно новая форма стихов Андрея Белого».

«Урна», действительно, является новым этапом в развитии Белого-поэта. Отойдя от Некрасова и фольклорной поэзии, в этой книге Белый обращается к классическому стиху пушкинской эпохи. Именно в эти годы Белый много работает над вопросами ритмики в русской классической поэзии 20—30-х годов XIX века (Пушкин, Баратынский, Тютчев), в частности, особенно тщательно разрабатывая ритмические возможности ямба. Он создает целую систему графического исследования ритма, расположения ударений в стихе и движения ритмических кривых в строфе (его «кривые», «крыши», «корзинки» и т. п. — в книге «Символизм»). Это богатство ритмических возможностей ямба получает применение в его работе над метрикой и ритмикой «Урны». (Напомню замечание Белого, что неслучайно большая часть стихов «Урны» получила выражение в ямбах.) Такие характерные формы пиррихий в сти-

хах, связанных параллелизмом ритма и синтаксической формы, как:

Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете —

становятся отличительной приметой его стихотворных ритмов. Однако, используя стихотворную технику 20—30-х годов XIX века, Белый делает ее средством для углубления модернистического характера своих стиховых интонаций (короткая фраза, употребление ассонансов и неточных рифм, отрывочность речи, повторение тех же слов и стихов, экспрессионистический ход поэтической мысли и т. п.).

Следует особо отметить в «Урне» стихотворение 1907 года «Кольцо», предсказывающее метрическую форму стихотворения Блока из цикла «На поле Куликовом»:

... Как камень, пущенный из роковой пращи,
Браздя юдовый свет,
Покоя ищешь ты. Покоя не ищи.
Покоя нет...

Ср. у Блока:

Закат в крови! Из сердца кровь струится
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Предисловие к «Урне», о котором Брюсов справедливо писал, что оно идеализирует сборник, открывало дорогу к религиозному пониманию искусства. Здесь

уже совершенно определилось различие путей Белого и Блока, идущих от одинаковых исходных позиций соловьевства.

22 октября 1910 года Блок писал Белому: «Мне остается только подчеркнуть в данный момент и для тебя то свойство моей породы, что, любя и понимая, может быть, более всего на свете людей, собирающих свой «пепел» в «урну», чтобы не заслонить света своему живому «я» (Ты, Ницше), — сам остаюсь в тени, в пепле, любящим гибель — ведь история моего внутреннего развития «напророчена» в „Стихах о Прекрасной Даме“».

От «Пепла» Белый пошел в сторону углубления соловьевского мистического мировоззрения, от «Балаганчика» Блок пошел к темам «гибели», к «Страшному миру» и к проблемам исторических судеб России.

5

Эпоха реакции породила широчайший разброд и кризис в различных слоях буржуазно-дворянской интеллигенции. Поражение революции 1905 года породило распад и разложение в среде попутчиков революции. Особенно усилились разложение и упадочничество в среде интеллигенции.¹ Внутри символизма также усиливаются реакционно-мистические учения. В связи

¹ «История ВКП(б). Краткий курс, под ред. Комиссии ЦК ВКП(б)», 1938, стр. 96.

этим все более резко обнаруживаются противоречия в среде символистов. Уже в 1909 году обнаружилось противоречие и в руководстве «Весов». Белый в это время, на путях мистического обоснования эстетики символизма, приходит к проповеди нового религиозного сознания.

Брюсов, став перед фактом, что историческая роль школы сыграна, ликвидировал журнал «Весы» и перешел в «Русскую мысль». Корабль символизма был Брюсовым взорван.

Взамен «Весов» Белый, в сотрудничестве с Вяч. Ивановым, А. Блоком и при редакторстве издателя Э. К. Метнера, создает в 1909 году книгоиздательство «Мусагет» (1909—1912), а с 1912 года — новый журнал «Труды и дни» (1912—1916).

В это время, оторванный от революционных общественных движений эпохи, враждебно относящийся к существу материалистического мировоззрения, Белый увлекается антропософией Р. Штейнера (мистическим учением о самосовершенствовании человека). Таков был естественный итог философских скитаний Белого, подменявшего богостроительской схоластикой поиски действительного выхода из тупиков буржуазной культуры.

«В 1910 году, — пишет Белый в неопубликованной «Автобиографии», — разочарованный в буржуазной Москве, я прервал чтение лекций».

26 ноября 1910 года Белый уехал за границу вместе с художницей-офортисткой А. А. Тургеневой («Асей» — изображенной им под именем Нелли в «Путевых заметках» и в «Записках чудака»), взгляды которой способствовали усилению мистической стороны его мировоззрения. Белый поехал в Сицилию, Египет, Тунис, Иерусалим и к лету 1911 года вернулся в Россию.

Первоначально он поселился в семье отчима А. А. Тургеневой — лесничего Кампиони, в Боголюбах, под Луцком. Здесь он провел лето. Его отношения этой поры с А. А. Тургеневой послужили материалом для его стихов, вошедших впоследствии в сборник «Королева и рыцари».

В течение 1911 года он работал над романом «Петербург», который первоначально задумывал как вторую часть своего романа «Серебряный голубь» (1910) и который вскоре превратился в совершенно самостоятельное произведение. В этих двух романах, — наиболее значительных художественных произведениях Белого, — благодаря тому, что основой пессимизма Белого было неприятие им эпохи реакции, его критика действительности оказалась отмеченной глубокой социальной содержательностью. Обобщающий социальный смысл «Серебряного голубя» и «Петербурга» (особенно «Петербурга») делает их, несмотря на мистическую окраску сатиры Белого, про-

изведениями большого конкретно-исторического содержания, включающего в себя критику общественного строя царской России. И, когда Белый представил «Петербург» в редакцию заказавшей его «Русской мысли», Струве, найдя в романе сатиру на тогдашнюю государственность, отказался роман печатать.

В 1912 году Белый снова уехал с А. А. Тургеневой за границу и поселился в Швейцарии, в Дорнахе, около Базеля. Здесь он прожил до 1916 года. Здесь же он в 1915 и 1916 годах писал «Котика Металева», первую часть задуманной им многотомной эпопеи «Моя жизнь».

В 1916 году Белый вернулся в Россию. Историю своего возвращения на родину он рассказал в своей двухтомной книге «Записки чудака» (1921—1922). В России первым его впечатлением было ощущение приближения революции. «Все, что случилось потом, — пишет Белый в «Записках чудака», — не поражало меня; так я был поражен первым днем в Петербурге: шестнадцатый год, месяц август — запомнился; в нем февральская революция осуществила себя». Эти же настроения отразились в его стихах 1916 года. Например:

Истань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

(«Декабрь 1916»)

В 1922 году Белый подвел итоги своим идейным блужданиям этих лет. В авторском резюме к «Запискам чудака» он писал: «Записки. . . повествуют о страшной болезни, которой был болен я в 1913—1916 годах. Но я, пройдя через болезнь, из которой для многих выхода нет, — победил свою «маніа», изобразив объективно ее. . . в . . . сатире на ощущения «самопосвящения». «Записки чудака» — сатира на самого, на пережитое лично».

6

Октябрьская революция расколола русских символистов на два резко враждебных лагеря.

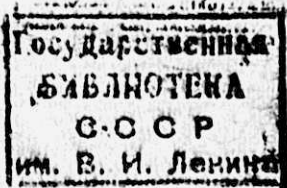
Андрей Белый оказался среди тех представителей русского символизма, которые приняли и приветствовали великий Октябрь. В «Автобиографии» Белый пишет: «К моменту Октябрьской революции меня занимали моральные и социальные кризисы буржуазной культуры. Резкое отрицание войны вызвало сочувствие к социальной революции; двойственность политики временного правительства с мая 1917 года определила сочувствие программе Ленина».

Блок; Брюсов, Белый — вот вожди русского символизма, деятельность которых тесно связана с зарождением советской литературы.

Социальная революция рождает для Белого новую Россию, не ту Россию «смертей и болезней», о которой он писал в «Пепле», но новую, преображенную революцией страну. Конечно, его интерпретация происходящей социалистической революции показывает, что он совершенно чужд правильного понимания смысла революции, но, не понимая его, Белый чувствует размах революции и предугадывает в ней подлинную человеческую правду.

Это его идеалистическое оправдание революции отразилось и в его поэме «Христос воскрес», написанной в апреле 1918 года, вскоре же после «Двенадцати» Блока, как параллель к Блоковским «Двенадцати». Сохранилось неопубликованное письмо Белого к Блоку 1918 года, показывающее огромное значение для Белого истолкования смысла революции Блоком. Отдельные стороны поэмы Белого отчетливо перекликаются с поэмою Блока. Например, критика контрреволюционной буржуазной интеллигенции:

А из пушечного гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастого расслабленного.
Интеллигента.
Видна —
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующие
Слова
О значении
Константинополя

И проливов —
В дующие
Пространства
И в сухие трески
Револьверных взрывов. . .

Здесь нетрудно заметить сходство между фигурой витийствующего о проливах кадетского интеллигента и Блоковским «витией» из «Двенадцати».

После Октября Белый работает на фронте культурного строительства.

7

Приветствовав социалистическую революцию, Белый остался, однако, совершенно чужд мировоззрению марксизма. Свидетельством этого могут быть выпущенные им в первые годы революции три его книги, объединенные общим заглавием «На перевале». Это — 1) «Кризис жизни», 2) «Кризис мысли» и 3) «Кризис культуры».

В 1921 году, совместно с А. Блоком и Вяч. Ивановым, он издает журнал «Записки мечтателей». Здесь он печатает свои «Записки чудака». Это свое произведение он рассматривает как пролог к «Эпонее — Я», которая должна раскрыть всю историю развития его внутреннего «я» в целой серии романов. Из этой предполагаемой серии он написал «Котика Летаева» и затем, в 1920 и 1921 годах, «Крещеного китайца». В этих первых двух томах «Эпо-

неи» Белый показывает историю развития своего «я» одновременно и как историю развития человечества от первобытного мировосприятия до современной культуры.

В это же время Белый подводит итоги и своей работе поэта.

В 1919 году он издает сборник стихов «Королева и рыцари», в который он включил свои стихи 1909—1915 годов. В 1922 году выходит сборник его стихов «Звезда. Новые стихи» — стихи 1914—1918 годов. В том же году выходит сборник его стихов «Стихи о России», в который он включил отдельные стихотворения из своих старых сборников.

Наконец, в 1922 году Белый объединяет, после сильной переработки, все свои стихи в однотомник «Стихотворения» (изд. Гржебина, 1922) и издает «свой последний при жизни самостоятельный сборник новых стихотворений «После разлуки» (1922). Тема книги «После разлуки» — острая го- речь интимного личного разочарования.¹

Самым значительным поэтическим произведением Белого этой поры была его поэма «Первое свидание», написанная и изданная в 1921 году. Наряду со сборниками «Звезда» и «После разлуки», являющимися Белого к субъективизму экспрессионизма, «Первое свидание» характе-

¹ К. Н. Бугаева и А. С. Петров-Кий, Литературный архив Белого, «Литературное наследство», 1937, № 27—28, стр. 596.

ризуется выходом из субъективной замкнутости к классической русской поэме и стремлением к широкому объективному изображению героя на фоне реальной исторической среды.

И, несмотря на то, что в «Первом свидании» Белый идеализирует свои юношеские мистические увлечения, несмотря на то, что поэма показывает, что он не освободился от них и теперь, — самый метод изображения действительности, осуществленный в широком конкретном рассказе, полном бытовых подробностей и наблюдательных иронических характеристик, явился следствием нового понимания задач искусства, внушенного Белому революционной современностью.

«Первое свидание» должно сопоставить с параллельными опытами создания мемуарной поэмы — А. Блока («Возмездие») и Вяч. Иванова («Младенчество»).

Поэму Белого отличает не только наблюдательная ирония, но и искусство стиховой инструментовки, в которой средствами изобразительности звука Белый воссоздает ощущение изображаемого. Вот, для примера, несколько строк из «Первого свидания»:

Натянута пустое дно. —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

и т. п.

С 1921 по 1923 год Белый пробыл за границей. Там он напечатал ряд своих книг («Глосалогия», «О смысле познания», «Поэзия слова», «Записки чудака», сокращенный и переработанный «Петербург» и др.) и издавал журнал «Эпопея» (1922), в котором напечатал свои воспоминания о Блоке.

За границей Белый выступал перед европейской интеллигенцией прежде всего представителем советской культуры.

О тех изменениях, которые произошли в мировоззрении Белого за годы революции, свидетельствуют, например, строки, написанные им по возвращении в СССР из-за границы в 1923 году, — строки, перекликающиеся со стихами Маяковского «О советском паспорте». «Как только, — пишет Белый, — покажешь ты красный свой паспорт» чиновнику консульства, так уж замечаешь, что нос его передергивает еле заметная судорога, точно нос сдерживает неудержимо щекочущий насморк, как будто из паспорта дует на нос тот сквозняк; образующий насморк... и [я], схватив чемоданы... стал отправляться, сопровождаемый величием презрительного взгляда безглазого метрдотеля и неподдельным сочувствием номерного служителя, выволакивающего чемоданы; служитель сказал: «И это называется демократической страной!» (ср. у Вл. Маяковского: «как будто ожогом рот», «господин

чиновник берет мою краснокожую пастерину», «моргнул многозначные глаза носильщика», «вещи снесет задаром вам», «жандарм вопросительно смотрит на сыщика, сыщик на жандарма»).

И хотя Маяковский несомненно знал приведенные строки Белого — здесь нужно говорить, не о заимствовании или влиянии, но о сходстве, которое вызывается одинаковым самочувствием советского гражданина за границей, подсказывающим советскому писателю определенный сатирический ракурс при изображении страха чиновников капитализма перед представителями СССР.

Противопоставляя свои впечатления от Европы полученным при возвращении на родину, в СССР, Белый пишет: «Мое первое впечатление от Москвы — впечатление источника жизни; и первый глоток этой жизни есть радость себя ощущать не в унылом, чужом, упадающем городе», а в «творческой лаборатории, может быть, невиданных в мире форм».

От года к году становится все заметнее то глубокое влияние, которое оказывает работа в советской литературе на творчество Белого.

Теперь, опираясь на реалистические элементы своей эстетики, Белый стремится изменить принципиальный смысл своей сатирической критики действительности. Внимание писателя сосредоточивается те-

перь на критике быта старой высококвалифицированной интеллигенции. Сатирическая сторона дарования Белого теперь, после Октября, выступает в его творчестве на первый план.

Благодаря этому по-новому возвращается Белый к Гоголю, как к мастеру реалистической сатиры. Характерно, что в последние годы жизни Белого творчество Гоголя опять стало усиленно привлекать его внимание. Этот интерес к Гоголю выразился и в специальном исследовании — книге «Мастерство Гоголя», вышедшей уже после смерти Белого, в 1934 году.

Особенно интересна для характеристики эволюции Белого трансформация его замысла «Эпопея — Я», к которому он пришел после «Петербурга». Взамен чисто идеалистического замысла «Эпопеи — Я», как серии романов о «самопосвящении», Белый теперь создает ряд реалистических произведений, раскрывающих историю его жизни — ряд томов романа «Москва» («Московский чудак», «Москва под ударом» и «Маски») и три тома мемуаров («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»). И романы и мемуары сатирически раскрывают историю интеллектуальной жизни буржуазно-дворянской интеллигенции России эпохи империализма.

• Но мемуары содержат не только материал для истории крушения дворянской и

буржуазной культуры России эпохи империализма, не только рассказывают историю жизни Белого, — они являются показательным документом, свидетельствующим о сложности и противоречивости пути Белого к социалистической современности документом, свидетельствующим о стремлении Белого реабилитировать себя и свою позицию в символизме перед лицом советской литературной общественности.

В произведениях, написанных в последние годы жизни, Белый подошел и к постановке вопроса о социальном содержании кризиса дооктябрьской культуры, к вопросу о тех положительных силах русской истории, которые подготовили революцию. Он чувствовал недостаточное знание народной жизни и стремился изучать социалистическую действительность. В частности, в последний год жизни он собирался написать роман о строительстве проектируемой перевальной дороги через Кавказский хребет.¹

8 января 1934 года Белый умер от артериосклероза.

Итак, работа Белого, и прозаика, и теоретика, и поэта, сыграла значительную роль в истории русской литературной культуры. Без изучения творчества Белого не может быть понята и история русского

¹ См. «Литературное наследство», 1937, № 27—28, стр. 609—610.

символистского движения. И хотя в наследии Белого его стихи имеют меньшее значение, чем проза, но они отмечены печатью подлинного искусства, они оказали влияние на поэтов его времени (в том числе прежде всего на Блока и Маяковского), они подготавливали современную культуру русского стиха.

Настоящий сборник стремится показать развитие Белого-поэта на всем протяжении его литературного пути.

В 1922 году Белый собрал в однотомник («Стихотворения», 1923, Берлин, изд. Гржебина) свои стихи, начиная от своего первого сборника «Золото в лазури». Работая над подготовкой однотомника, А. Белый исходил из проекта издания им своих стихотворений в двух томах 1913—1914 года (для издательства «Сирин») и проекта 1917 г. (для издательства В. Пашуканиса, однотомник, под заглавием «Зовы времен»).

Общий принцип конструкции однотомника 1922 года, таким образом, в известной мере оказался определен идейными настроениями Белого 1913—1917 годов. Однако теперь уже Белый рассматривал эти настроения в ретроспективном плане. Стремясь этим однотомником подытожить весь предшествующий период своей поэтической работы, Белый переработал все свои старые сборники в последова-

тельные главы развития некоторых центральных для него, в его идейном пути, тем. Он переименовал заглавия многих стихотворений, заново переконструировал отделы сборников, переработал многие циклы в связные поэмы, состоящие из последовательно перенумерованных стихотворений-главок, в отдельных случаях переместил стихи из одних сборников в другие, напечатал под старыми заглавиями некоторые фактически новые стихотворения. Такой переработке подверглись сборники «Золото в лазури» (1904), «Пепел» (1909) и «Урна» (1909). В этом же однотомнике Белый напечатал отрывки из поэмы «Первое свидание», распределив их по разным отделам. Белый выбрал из поэмы преимущественно те отрывки, в которых сохранилась сатирическая характеристика быта московской интеллигенции начала XX века.

В 1929 году, в Москве, в издательстве «Никитинские субботники» А. Белый переиздал свой сборник «Пепел», опять-таки радикально переработав ряд стихотворений, включив в издание некоторые свои старые неизвестные стихи эпохи «Пепла» и отдельные стихи из «Золота в лазури» и «Урны». Отделам книги Белый придал новые заглавия. Это издание, также по видимости являясь перепечаткой, представляет собой переработку «Пепла» в соответствии с позицией Белого 1928 года.

В последние годы жизни Белый продолжал работать над подготовкой собрания своих стихотворений.

Сохранились два плана такого предполагаемого собрания стихотворений Белого: в плане 1925 года Белый писал: «Если бы я умер, то просил бы рассмотреть некий умопостигаемый том моих стихов состоящим из следующего материала: — в основу тома берется том избранных стихотворений издания Гржебина со значительными добавлениями. . .» План 1931 года объединяет все стихотворное наследие Белого в два тома, из которых он успел приготовить только первый, озаглавленный им «Зовы времен» и законченный поэмой «Христос воскрес».

Второй том, озаглавленный им «Звезда над Урной», он приготовить к печати не успел. В него также должны были войти переработанные стихотворения всех вышедших сборников, и он должен был заканчиваться поэмой «Первое свидание». По поводу этого плана второго тома Белый указал, что целый ряд намеченных им для тома старых стихотворений, в случае, если он их не переработает, — перепечатываться вообще не должен. Таким образом, второй том, в сущности, остался неосуществленным, и, следовательно, издание на основе плана 1931 года давало бы том 1-й в окончательной редакции, а том 2-й — в редакции условной.

Печатаемая стихотворения Белого в малой серии «Библиотеки поэта», — в серии, ставящей своей задачей показать реальное историческое развитие русской поэзии, — я, естественно, вынужден отказаться от последних авторских редакций и остановиться на решении дать стихи Белого по редакциям первых изданий сборников его стихотворений.

Последний этап поэтической работы Белого представляют собой поздние редакции переработанных им его ранних стихотворений. Я предпочел представить поэзию Белого последнего периода его работы (1923—1931) некоторыми характерными стихотворениями, написанными им в эти годы жизни.

При печатании сборников Белого, сохранены структурные разделы сборников, имеющие принципиальное значение для понимания смысловой композиции циклов. Там, где сборники никак не построены, стихи расположены, внутри сборников, в хронологической последовательности. Самый анализ циклов произведен во вступительной статье.

Приношу благодарность К. Н. Бугаевой и Ю. Н. Тынянову за ряд указаний.

Цезарь Вольпе

СТИХОТВОРЕНИЯ

Золото в лазури

*Посвящаю эту книгу
дорогой матери*

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

ЗОЛОТОЕ РУНО

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
среди трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргonautы нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргonaut,
зывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик-аргonaut призывает на солнечный
пир,
трубя
в золотеющий мир.

Всё небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Всё небо в рубинах

над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И блеском объятый,
светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

1903

«ИЗ ЦИКЛА «ЗАКАТЫ»»

1

Даль — без конца. Качается лениво,
шумит овес.
И сердце ждет опять нетерпеливо
все тех же грез.
В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
сребристо-жгучей,
садится солнцу красно-золотое. . .
И вновь летит
вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:
«Душа, смирись: среди пира золотого
скончался день.
И на полях туманного былого
ложится тень.
Уставший мир в покое засыпает,
и впереди
весны давно никто не ожидает.
И ты не жди.
Нет ничего. . . И ничего не будет. . .
И ты умрешь. . .
Исчезнет мир, и бог его забудет.
Чего ж ты ждешь?»

В дали зеркальной, огненно-лучистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
пунцово-жгучей,
огромный шар, склоняясь, горит над нивой
багрянцем роз.
Ложится тень. Качается лениво,
шумит овес.

2

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнет.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертёг,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосой багряной
бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит отца,
а ветер ласкает, целует,
целует меня без конца.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ВЕЧНЫЙ ЗОВ»⟩

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«объявись — зацелую тебя. . .»

Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замостит к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тогда же грустно задумчивый зов:
«объявись — зацелую тебя. . .»

1903

«ИЗ ЦИКЛА
«ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ»»

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз — и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится — я этой мечтой
всю бездну восторга измерю.
Ты скажешь — восторг тот святой.
Не верю!

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

1902

ОБРАЗ ВЕЧНОСТИ

Бетховену

Образ возлюбленной — Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в беспечности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной — Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной,
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар — сребрится
мой ус и темя,
но радость снится.

Река, что время:
летит — кружится. . .

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль.
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
— Вечности! . .

1902

В ПОЛЯХ

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убою —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледносиняя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
всё земное нам снится
утомительным сном.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых сквозных кружевах
мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

под вешнюю лаской фортуны
и хмелью обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный
перед нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,
в лавурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять...»

Смеются под звук клавесина,
и хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледнобелый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

1903

ССОРА

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,
на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки, —
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем. . .
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,
от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек» —
льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы
в дом идут, надувши губки.

ОТСТАВНОЙ ВОЕННЫЙ

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с накеем,
подъехал старик, отставной генерал
с деревяшкой.

Семейство,
что русский
обычай, вело генерала для винного действия
к закуске.

Претолстый помещик, кутивший сигару,
напяливший в полдень поддевку,
вредь жару
шел с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча
окурок,

военный
про турок:
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»

Вилясь вдруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая
на девку-блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костями батальоны. . .»

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.
Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы», —
кричал,
от вина огневой. . .
Наливались
на лбу его синие жилы.

Нам страх был неведом. . .
Еще на Кавказе сжигали аул за аулом. . .»

С коричневым пледом
и стулом
в аллее стоял,
дожидаясь,
надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
с террасы, военный по ветхим ступеням
стучал
деревяшкой.

1904

ВЕСНА

Всё подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облака, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
про царает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настезь — и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной ланкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса всё синей и синей.
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих даях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903

ИЗ ОКНА

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь — голос мне слышится пылкий
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгара иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится «Шум-на Марица»...
Сбежались. А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травьяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль — огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых работах,
орут под гармонику хором.

1903

НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы,
да пепельно-черных дымов
застывшие клубы.

ОБРАЗЫ

«ИЗ ЦИКЛА «ПОЕДИНОК»»

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь — огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору — богу.

И ухнул Тор громовым молотом
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен. . .»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

БИТВА

В лазури проходит толпа исполинов на битву.

Ужасен их облик, всклокоченный,
каменно-белый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные
стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми
руками,
бессильно шатается, дружеских лиц
объятий;

порою, закрывшись от стрел дымовыми
плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих
братий! . . .

. . . . .
Дрожала в испуге земля от тяжелых
ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих
клоки —

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это — диск пламезарного солнца. . .»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопешным потоком.

1903

ИГРЫ КЕНТАВРОВ

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
нянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над
звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной
корнистой
взмахнув.

В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив
затеи,

и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

1902

СЕРЕНАДА

Ты опять у окна, вся доверившись снам,
появилась...

Бирюза, бирюза
заливает окрестность...

Дорогая,
луна — заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов
струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть
стая белых, немых лебедей
меж рогистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла.

От тоски в жажде снов нежно крыльями
плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина:

это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгина —

лебедей
Лоэнгина.

(1903—1904)

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ

ЗНАЮ

Пусть на рассвете туманно —
знаю — желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
образ вдаль василиска?
Пусть всё тревожно и странно...

Пусть на рассвете туманно —
знаю — желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли? — ночь на исходе?
Слышишь ли — вздох о свободе —
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли — ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Эти мечты золотые,
эти улыбки святые
в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

1901

БЕЗУМЕЦ

1

«Вы шумите. Табачная гарь
дымносиние стелет волокна.
Золотой мой фонарь
зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
к вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
разрывают, вонзаясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
и тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
в тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
папиросы.

Ах, когда я сижу за столом
и, молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...

О, я полон огня,
предо мною виденья сияют. . .
Неужели меня
никогда не узнают? . . .»

2

Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребенка.
Кто-то пел
Звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный мучи,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:

«Се дарует нам свет
искупитель,
я не болен, нет, нет;
я — спаситель. . .»

Так сказав, наклонил
он свой лик многодумный. . .
Я в тоске возопил:
«Он — безумный».

3

Здесь безумец живет
среди белых сиреней.
На террасу ведет
ряд ступеней.

За ограду на весь
прогуляться безумец не волен. . .
Да, ты здесь!
Да, ты болен! . . .

Втихомолку, смешной
кто-то вышел в больничном халате,
сам не свой,
говорить на закате.

Грусть везде. . .
Усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.

Что ты ждешь у реки,
еле слышно колебля
тростники,
горьких песен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
бьешь в усталую грудь ты тюльпаном!
Всплеск, круги... И, смеясь,
утопает, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
весь измятый, весь алый...
Из больницы служитель бежит
и кричит, торопясь, запоздалый.

1904

Пепел

Посвящаю эту книгу
памяти Некрасова

Что ни год — уменьшаются силы.
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать - отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но ждал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

Н. А. Некрасов.

РОССИЯ

ОТЧАЯНЬЕ

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Осторожь рыщет,
В став сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свистит
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи
Поднявшись над сетью бугров,

Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

08. Серебряный Колодезь

ДЕРЕВНЯ

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы — глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,

И над дальним перелеском
Просверкает пыл?

Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмается лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь — немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз. . .
Промерцает в синей бездне —
Продрожит — алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

08. Сер. Колодезь

ШОССЕ

За мною — грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит — убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груди дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

04. Ефремов

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо. . .
Пролетают — вон там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетает — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О, немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

08. Суйда

ТЕЛЕГРАФИСТ

Окрестность леденеет
Туманным октябрём.
Прокружится, провевет
И ляжет под окном, —

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочёт
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит
А в мыслях — то и сё.

Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый.
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснувший закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и сё.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьёй прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —

На двадцать пять целковых —
Одежа, стол, жильё.
В краях сырых, суровых
Тянись, житьё мое! —

Вновь дали мерит взором: —
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клён промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома поет,
Без дел сидит жена, —

В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клокочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек... —

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Слезою взор туманит.
В костях озябших — лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству — изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавишь бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит — семафора
Взлетает красный знак.

Вдыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, бога
И жизнь, и жизни цель —
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листовою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.

В кисейно-нежной шали
Девушка средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

06—08. Сер. Колодезь

В ВАГОНЕ

Жандарма потертая форма,
Носильщики, слезы. Свисток —
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, в раздольное поле
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле —
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли — промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность —
Летит: и летит — и летит.
Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит,
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах шмели искряные
Пронесутся в красных роях.
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся — в окне суетня:
Платформа — и толстая дама
Картонками душил меня.

Костюмки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

05. Ефремов

СТАНЦИЯ

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж, —
Кокетливо закутит
Изящный сак-воляж.

А там: — сквозь кустик мелкий
Бредет он большаком. ¹
Мигают злые стрелки
Зелененьким глазком.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти: —
Склонись над паровозом
На рельсовом пути!

Никто ему не внемлет.
Нигде не сыщут корм.
Вон: — станция подьмлет
Огни своих платформ.

¹ Большая дорога.

Выходят из столовой
На волю погулять.
Прильни из мглы свинцовой
Им в окна продрожать!

Дождливая окрестность,
Секи — секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

Туда, туда — далёко
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прынул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям —

Туда, туда — далёко
Уходит полотно:
Там в ночь сверкнуло око,
Там пусто и темно.

А всё: — в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

А всё: — среди лакеев,
С сигары армянин
Пуховый пепел свеяв, —
Глотает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

08. Сер. Колодезь

БУРЬЯН

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет,
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости — тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —

Порыв разгулявшейся стужи,
В полях разорвется, как плач.
Вон там: — из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

Вон там: — его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон: — колкие руки подъемлет
Обсристанный ветром бурьян.

Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целуя — милуя,
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.

Здесь буду тебя я царапать, —
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

Задушит — затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слой вековых мергелей.

Метется за ним до деревни,
Ликует — танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растиртое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод — ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

05—08. Ефремов

ВЕСЕЛЬЕ НА РУСИ

Как несли за флягой флягу —
Или огненную влагу.

Д'накачался —
наплясался —

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Совалили на лужок.

Эх —
Людям грех!
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, — ходи — валяй — вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

и обрабатывай!

На дороге ноги-ноженьки туды-сюды
пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —

РОДИНА

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

08. Москва

ДЕРЕВНЯ

КУПЕЦ

Прогуляй со мною лето:
Я тебе, дружок,
Канареечного цвета
Заколю платок.

Коль отдашь тугие косы
Мне на ночь одну, —
Сапожки на ноги босы
Сам я натяну.

Коли нонче за целковый
Груди заголишь, —
Под завесою шелковой
Ночь со мной поспишь —

Так ужо из крепких бревен
Сколочу наш дом,
Так ужо с села поповен
В гости призовем.

Ты сумей меня растрогать:
Я — купец богат —
Сею лен, скупаю деготь
И смолю канат.

Борода моя — лопата,
Волосата грудь.
Не гоняюсь за богатой:
Ты моею будь.

Плачет девка, ручки сложит:
«Не томи меня».
Без него прожить не может
Ни едина дня.

Он — высокий, чернобровый,
Статный паренек,
За целковый ей ковровый
Подарил платок.

08. Серебряный Колодезь

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.
Миловались вы, любились
С девкою надясь —

В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.

Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чужья смерть?
Одинокое плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

08. Суйда

ПАУТИНА

СУДЬБА

Меж вешних камышей и верб
Отражена ее кручина.
Чуть прозявший, белый серп
Летит лазурною пустыней —
В просветах заревых огней
Сквозь полосы далеких ливней.

Урод склоняется над ней.
И все видней ей и противней
Напудренный прыщавый нос,
Подтянутые, злые губы,
Угарный запах папирос
И голос шамкающий, грубый,
И лоб недобрый, восковой,
И галстух ярко-огневой;
И видит: —

где зеленый сук
Цветами розовыми машет
Под ветром, — лапами паук
На паутинных нитях пляшет;
Слетает с легкой быстротой,
Качается, — и вновь слетает,

И нитью бледнозолотой
Качается, а нить блистает:
Слетел, и на цветок с цветка
Полвет по росянистым кочкам.
И падает ее рука
С атласным кружевным платочком;
Платочек кружевной дрожит
На розовых ее коленях;
Беспомощно она сидит
В лиловых, в ласковых сиренях.

Качается над нею нос,
Чернеются гнилые зубы;
Угарной гарью папирос
Растянутые дышат губы;
Взгляд оскорбительный и злой
Впивается холодной мглой,
И голос раздается грубый:
«Любовницей моею будь!»
Горбатится в вечернем свете
В крахмал затянутая грудь
В тяжелом, клетчатом жилете.

Вот над сафьянным башмачком
В лиловые кусты сирени
Горбатым клетчатым комком
Срывается он на колени.
Она сбегает под откос;
Безумие в стеклянном взгляде...
Стеклянные рои стреков
Летят в лавуревые глади.
На умирающей заре
Упала (тяжко ей и дурно)

В сырой росе, как серебре,
Над беломраморною урной.

Уж в черной лаковой карете
Уехал он..

В чепце зеленом,
В колеблемом, в неверном свете,
Держа флакон с одеколоном,
Старушка-мать над ней сидит
Вся в кружевах, — молчит и плачет.

То канет в дым, то заблестит
Снеговой серп; и задымит
Туманами ночная даль;
Извечная висит печаль;

И чибис в полнощи плачет...

06. Москва

ГОРОД

МАСКАРАД

Огневой крющон с поклоном
Капуцину чорт несет.
Над крющоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный чорт, — атласный,
красный, —
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань, —

Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин гостье рад.

Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: —
Входит гостья, шелкнет костью,
Взвевет саван: гостья — смерть.

Гость: — немое, роковое
Огневое домино —

Неживую головою
Над хозяйкой склонено.

И хозяика гостя вводит.
И хозяин гостье рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.

Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.

Закрутив седые баки,
Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Чей-то голос раздается:
«Вам погибнуть суждено» —
И уж в дальних залах вьется, —
Вьется в вальсе домино.

С милой гостьей: желтой костью
Шелкнет гостья: гостья — смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь.

Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся — никого.
Лишь, вясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.

«Злые шутки, злые маски», —
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

Ждет. И боком, легким скоком, —
«Вам погибнуть суждено», —
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.

Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.

В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров, —
Рвутся струны страстных арф.

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па, —
Ловит бэби в темной нише —
Ловит бэби — grand para.

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отрадный морс.

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.
За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и бэби строит куры
Престарелый grand para.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.

Только там по гулким залам —
Там, где пусто и темно —
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

08. Сер. Колодезь

ПИР

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.

Мы ехали. Юна, свежа
Плеснула перьями красотка.
А пули плакали, визжа,
Над одинокою пролеткой.

Нас обжигал златистый хмель
Отравленной своей усладой.
И сыпалась — вон там — шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Аквагиум'е» с ней шутил
Я легкомысленно и метко.
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой,

Меж пальцев задрожавших взяв
Благоуханную сигару,
Взволнованно к груди прижав
Вдруг зарывавшую гитару.

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла: — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

Но дрогнул юный офицер,
Сердито в пол палаш ударив,
Как из раздернутых портьер
Лизнул нас сноп кровавых зарев.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшею бездной.

Луч солнечный ужко взойдет:
Со знаменем пройдет рабочий:
Безумие нас заметет —
В тяжелой, в безысходной ночи.

Завтра брызнет пулемет
Там в сотни возмущенных грудей;
Чугунный грохот изольет,
Рыдая, злая пасть орудий.

Метелицы же рев глухой
Нас мертвенною пляской свяжет, —
Завтра саван ледяной

Виясь, над мертвецами ляжет,
Друзья мои. . .»

И банк метал
В разгаре пьяного азарта;
И сторублевики бросал;
И сыпалась за картой карта.

И, проигравшийся игрок,
Я встал: неуязвимо строгий,
Плясал безумно кэк-уок,
Под потолок кидая ноги.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснувших застыв,
Влилось сквозь матовые стекла —

Рассвета мертвое пятно.
День мертвенно глядел и робко.
И гуще пенилось вино
И щелкало взлетевшей пробкой.

05. Москва

НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распутивши свой зонт,
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот — я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой. . .

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы.
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

04. Москва

ПОХОРОНЫ ¹

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

Смеркается.
Месяц серебряный, юный
Поднимается.

Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.

Вдоль оград, тротуаров, — вдоль скверов,
Над железной решеткой, —
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося. . .
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям ввизлся.

¹ Имеются в виду похороны Баумана.—Ц. В.

Глуше напев похорон.
Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен —
Там, в отдаленье — проносят.

06. Москва

БЕЗУМИЕ

В ПОЛЯХ

Я забыл. Я бежал. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.

Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали — я падал в крови:
Многочисленные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

Восхожу к непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутках
Поцелуй холодной зари.

Над простором плету неподвижен
Из колючей крапивы венки.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.

Ветер, плачущий брат мой, — здесь тихо.
Ты пролей на меня свою соню.
Исступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

07. Париж

МАТЕРИ

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал —
Никто: только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.

Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень —
Потухший пламень... — нести.

Собрала их ко мне — могила.
Забыли всё с того дня.
И та, что — быть может — любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их тенью впадин;
Постучусь — они дверь замкнут.
А здесь — от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

Нет. — Спрячусь под душные плиты...
Могила, родная мать.
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном вздыхать.

07. Париж

ПОЛЕВОЙ ПРОРОК

Средь камней меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу, —
Как прошло: всё прошло — отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле — дом мой. Песок — мое ложе.
Полог — дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я — просторов рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь.

07. Париж

ДРУЗЬЯМ

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему венок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, так больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь —

Вернусь!

07. Париж

ПРОСВЕТЫ

ПОПОВНА

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.

Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злák, то василек.
Идет. Над ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльною листвою,
Наряден, вымыт, чист, —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блестят в лучах зари —
Его младое око
И красные угри.

Прекрасная поповна, —
Прекрасная как сон,
Молчит, — зарделась, словно
Весенний цвет пион.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют курослепы.
Играет ветерок.

Вдали над косарями
Огни зари горят.
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель.¹

И там, где крест железный, —
Всё ветры на закат

¹ Колодезь.

Касаток стаи в бездны
Лавуревые мчат.

Не терпится кокетке.
(Семь бед — один ответ.)
Прищпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.

А он: «Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час».

Но розовые юпки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.

Предавшись сладким мукам,
Прохладным вечерком
В лицо ей дышит луком
И крепким табаком.

На баске безотчетно
Раскалывает брошь
Своей рукою потной, —
Влечет в густую рожь.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщевом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену:

«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять не доглядела!»
И смотрит — смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо, да скворечник
На согнутом шесте.

С дебелой попадьёю
Всю ночь бранится он,
Летучею струею
Зарницы осветлен.

Всю ночь кладет поклоны
Седая попадья,
И темные иконы
Златит уже заря.

А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонен семинарист.

Колышется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах,
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

об. Москва

ТРОЙКА

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.
В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захохочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярче вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: «Здравствуй, молодец . . .»
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

1904. Сер. Колодезь

Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальнойю.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

04. Москва

БЕГСТВО

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючий, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной,

Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.
И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.

Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
«Ведут — арестанта ведут».

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок. . .
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.

Ночь кинулась птицею черной
На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.

Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.
Безжизненно в небо уткнулся
Церковный, серебряный шпиц.

И ветел старинные палки;
И галки, — вот там, и вот здесь;
Подгорные, длинные балки. ¹
Пустынная, торная весь.

Сердитая, черная туча.
Тревожная мысль о былом.

! Овраги.

Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом.

С цыгаркой в зубах среди колец
Табачных в просторе равнин,
Над нею склонил богомолец
Клочки поседевших седин.

Россия, увидишь и любишь
Твой злой полевой небосклон,
«Зачем ты, безумная, губишь» —
Гармоники жалобный стон;

Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?!

Но слышу, бездомный скиталец,
Погони далекую рысь,
Как в далях шлагбаум свой палец
Приподнял в холодную высь.

04. Малевка

ХУЛИГАНСКАЯ ПЕСЕНКА

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.

Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.

Костью крепок, сердцем прост —
Обходили мы погост.

Поминал со смехом он
День веселых похорон: —

Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп:

Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.

«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.

Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

06. Сер. Колодезь

Урна

Посвящаю эту книгу
Валерию Брюсову

Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней...

Баратынский.

В. БРЮСОВУ

1. ПОЭТ

Ты одинок. И правишь бег
Лишь ты один — могуч и молод —
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струею серебристой
Поет — тебе; и ты — ничей —
На нас глядишь из тучи мгlistой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,

Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком

Полудень: стой — не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

1904. Москва

2. СОЗИДАТЕЛЬ

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст — багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь. . .
В мыслях — молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, — иглы молний
Возжигает в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир. . .

Где-то там. . . за небосклоном
Засверкает новый мир; —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира брэнного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах — рифмы, в рифмах —
мысли
Созидают новый свет. . .

Над душой твоей повисли
Новые миры, поэт.

Всё лишь символ. . . Кто ты?
Где ты?

Мир — Россия — Петербург —

Солнце — дальние планеты. . .
Кто ты? Где ты, демиург?..

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух. . .

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

1904. Москва

ЗИМА

ЗИМА

Снега сильней, снега туманней;
Вновь освеженной дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом в глубь аллей;
Ломают хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навевая синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Серебро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, —

Пусть грудой золотых камней
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блёклой
Сухой, сухой, сухой мороз, —
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блещущих стрелок.

1907. Петровское

ВЕСНА

Уж оттепельный меркнет день.
Уж синяя на снеге тень.
Как прежде, у окна вдвоем
Попыхиваем огоньком.
Мгла пепельный свой сеет свет.
Уехала она... Но нет —

Не примиренье, не забвеньё
В успокоенье чую я.
Из зеркала, грустя, отображенье —
Из зеркала кивает на меня.
И полосы багровые огня,
И отблески далекие селенья, —
Истома улетающего дня...
Рояль... Ревнивое забвеньё.

Я говорю себе:
«Друг, взор полуживой закрой:
Печален кругозор сырой,
Печален снеговой простор
И снеговой сосновый бор,
И каркающий в небе грач,
И крыши отсыревших дач,
И станционный огонек,
И плачущий вдали рожок...»

1908. Москва

В ПОЛЕ

Чернеют в далях снеговых
Верхушки многолетних елей
Из клочкотаний буревых
Сквозных, влетающих метелей.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука:
Как в грозный полуночи час
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается бывшее...
Припоминается ее
Лицо холодное и злое.

Пусть вечером теперь она
К морозному окну подходит
И видит: мертвая луна...
И волки, голодая, бродят

В серебряных, сквозных полях;
И синие ложатся тени
В заиндедевших тополях;
И желтые огни селений

Как очи строгие глядят,
Как дозирующие очи;
И космы бледные летят
В пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велит. . .
Как пробудившаяся совесть,
Ей полуночный ветер твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Прости же, тихий уголок,
Тебя я покидаю ныне. . .
О, ледени, морозный ток,
В морозом скованной пустыне! . .

1907. Париж

СОВЕСТЬ

Я шел один своим путем;
В метель вастыл я ледяным комом. . .
И вот в сугробе ледяном
Они нашли меня под домом.

Им отдал всё, что я принес:
Души расколотой сомненья,
Кристаллы дум, алмазы слез,
И жар любви, и песнопенья,

И утро жизненного дня.
Но стал помехой их досугу.
Они так ласково меня
Из дома выгнали на вьюгу.

И поправимое мое
Вспоминается бывшее. . .
Вспоминается ее
Лицо холодное и злое.

Прости же, тихий уголок,
Где жег я дни в бесцельном гимне!
Над полем стелется дымок.
Синеет в даях сумрак вимний.

Мою печаль, и пыл, и бред
Сложу в пути осиротелом:
И одинокий, робкий след,
Прочерченный на снеге белом, —

Метель со смехом распылит.
Пусть так: немотствует их совесть,
Хоть снежным криком ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне
Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне. . .

Всё точно плачет и зовет
Слепые души кто-то давний:
И бледной стужей просечет
Окно под пляшущую ставней.

1907. Париж

РАЗУВЕРЕНЬЯ

НОЧЬ

Изгложет, гложет ствол тяжелый ветер
Жадный;
Провьется веяньем, листвою прошелестит:
«Забудь —
Ее забудь!..»

Глуши, глухая ночи! Глотая темень
Хладный,
Безропотная грудь безропотно молчит —
Забудь —
Ее забудь.

О, если б мгlistый лес вскипел моей
Печалью!
О, если б мгlistый лес вскипел моей
Мольбой, —
Тогда — . . .
(Да, знаю я. . .)

Молчу: немой молчу. Немой стою
Над далью.
Да: я склонюсь, упьюсь тобой, одной
Тобой —

Тогда...
Да, знаю я...

Там — смерть, там — ночь: ты — там,
за гранью

Роковую.
Я смерть тобой, я жизнь благословлю
Тобой —
Засни:
Засни и ты...

О, если б —
Мглистый лес вскипел своей
Листою,

О, если б —
Мглистый лес вскипел своей
Мольбой:

«Засни, —
Засни и ты! —
И ты!..»

Слепи,
Слепая смерть!
Глуши,
Глухая ночь!..

1907. Петербург

НОЧЬ

Как минул вешний пыл, так минул
страстный зной.
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загремел гульливою волной,
Волной разымчивой летящий к высям
Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаишь. На тусклой, никлой,
блѣклой
Траве гуляет ветер; протяжным вздохом он
Ударит в бледных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто все вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как всё, пройдешь и ты, мой друг, мой
бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений
море?

Пролейся, лейся, дождь! Мятись, суровый
бор!
Древес прельстительных прельстительно
вздыханье.
И дольше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

1907. Петровское

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ

ПРЕМУДРОСТЬ

Внемлю речам, объятый тьмой
Философических собраний,
Неутоленный и немой
В весеннем, мертвенном тумане.

Вон — ряд неутомимых лбов
Склоняется на стол зеленый;
Песчанистою пылью слов
Часами прядает ученый.

Профессор марбургский Коган,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня N. N.
И увлекательный, и строгий.

Лишь позовет она, как он
Мне подает свой голос кроткий,
Чуть шелковистый, мягкий лен
Своей каштановой бородки

Небрежно закрутив перстом,
И как рога завьются туры
Власы над неживым челом
В очей холодные лазури;—

Заговорит, заморозит
В потоке солнечных пылинок;
И «Критикой» благословит,
Как Библией суровый инок.

Уводит за собой; без слов
Усадит за столом зеленым...
Ряды прославленные лбов...
С ученым спорит вновь ученый

1908. Москва

МОЙ ДРУГ

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... — метод.

Средь молодых, весенних чащ
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,
Взмахнувши черными крылами...
Новодевичий монастырь
Блестит ясными крестами: —

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей вззеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

«Живнь, — шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Развеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений...»
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И быются на венках, звеня,
Фарфоровые невабудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают желтыми очами.

1908

НОЧЬЮ НА КЛАДБИЩЕ

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат,
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из дерев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепснев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,
Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей, —
Их жалобное шелестенье.

О, сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном знои
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

1908. Москва

ПОД ОКНОМ

Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...

Но «Критики» передо мной,
Их кожаные переплеты...

Вдали — иного бытия
Звздоочитые убранства...

И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.

1908. Москва

ТРИСТИИ

КОЛЬЦО

И ночь и день бежал. Лучистое кольцо
Ушло в небытие.
Ржаной, зеленый вал плеснул в мое лицо —
В лицо мое:

«Как камень, пущенный из роковой пращи,
Браздя юдольный свет,
Покоя ищешь ты. Покоя не ищи.
Покоя нет.

В покое только ночь. И ты ее найдешь.
Там — ночь: иди туда. . .»
Смотрю: какая скорбь. Внемлю: бушует
рожь.
Взошла звезда.

В синеющую ночь прольется живнь моя,
Как в ночь ведет межа.
Я это знал давно. И ночь звала меня.
Тиха, свежа, —

Туда, туда. . .

1907. Петровское

ПРОШЛОМУ

Сентябрьский, свеженький денек.

И я, как прежде, одинок.
Иду — бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.

В ее сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль, —
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце — блещущий фазан —
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак — змеев.

Душа полна: она ясна.
Ты — и утишен, и возвышен.
Предвестьем дышит тишина.
Всё будет старый окрик слышен, —

Разгульный окрик зимних бурь.
И сердцу мнится, что — навеки.
Над жнивою тогда лазурь
Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец дрeвеса,
Вскипая, в сумрак бледный кину.

Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю.
Благословлю, за что — не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и одинок.

1907. Париж

ЖАЛОБА

Сырое поле, пустота,
И поле незнакомо мне.
Как бьется сердце в тишине!
Какие хладные места!
Куда я приведен судьбой? . . .
В пустынный берег бьет Коцит;
И пена бисерной каймой
В прибрежных голышах бежит.
Свежеет . . . Плещется прибой;
В кудрявой пене темных волн,
Направленный самой судьбой,
Ко мне причалил утлый челн.

Меня влекут слепые силы
В покой отраднй хладных стран; —
И различаю сквозь туман
Я закоцитный берег милый.
Рыдают жалобные пени,
Взлетает гребень на волне,
Безгласные, немые тени
Протягивают руки мне.
Багровые лучи Авроры
Сурово озаряют твердь.
Уныло поднимаю взоры,
Уныло призываю смерть. . .

1909. Бобровка

ДУМЫ

НОЧЬ И УТРО

Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете. —
И вывездилась в ночь тоска
Мятущихся тысячелетий.

Глухобезмолвная земля,
Мне непокорная доньше, —
Отныне принимаю я
Благовестительство пустыни!

Тоскою сжатые уста,
Взорвите словеса святые,
Ты — утренняя красота,
Вы — горные края златые?

Вот там заискрились, восстав, —
Там, над дубровою поющей —
Алмазами летящих глав
В твердь убегающие кущи.

1908. Дедово

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ты светел в буре мировой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В темь изначальную провалит.

Веселье хмельное пьяно.
Всё мнится, что восторг понижен.
Гортань прохладное вино
Огнистою струею лижет.

Испил: — и брызнувший угар
Похмельем пенистым пылится.
И кубок ядовитых чар,
Спорожненный, чуть дымится.

Нет, он меня не обожжет:
Я возлюбил души пустыню.
Извечная, она лиет
Свою святую благостыню.

Извечная, она как мать
В темнотах бархатных восстанет:
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В мглу разливающейся ночи.

Вот бездна явлена тоской,
Вот в изначальном мир раздвинут...
Над бездной этой я рукой
Нечеловеческой закинут.

Ее ничем не превозмочь...
И пробегают дни за днями;
За ночью в очи плещет ночь
Своими смертными тенями.

Вдохнешь, уснешь — и пепел ты,
Рассеянный в пространствах ночи...
Из подневольной суеты
Взгляни в мои пустые очи, —

И вечно будешь ты глядеть,
Ты — бледный, пленный, бранный
житель —

За гранями летящих дней
В тени прохладную обитель...

1907. Париж

Королева и рыцари

Сказки

ШУТ

Баллада

1

Есть край, где старый
Замок
В пучину бьющих
Вод
Зубцами серых
Башен
Глядит — который
Год!

Его сжигает
Солнце;
Его дожди
Секут...
Есть королева
В замке
И есть горбатый
Шут!

Докучно
Вырастая
На выступе

Седом, —
Прищелкивает
Звонко
Трескучим
Бубенцом.

Струею красной
В ветер
Атласный плащ
Летит: —
На каменных
Отвесах
Подолгу шут
Сидит;

И долго, долго
Смотрит
На запад
Огневой;
В вечерние
Туманы
Колпак подкинет
Свой.

Из каменных
Пробоин
Взлетает стая
Сов,
Когда несется
С башни
Трубы далекий
Рев.

В тяжелый, внойный полдень,
Таясь
В тени
Аркад, —
Выходит королева
Послушать
Треск
Цикад.

Из
Блещущих
Травинок,
Из росянистых пней, —
Небесною коронкой
Цветок
Смеется
Ей.

Едва
Она
Сломала
Высокий стебелек, —
«О,
Королева,
Вспомни», —
Пролепетал цветок;

Едва
Она
Сломала
Высокий стебелек, —
Кипучею струею

Ей в очи
Брызнул
Сок.

Блестя, запели воды —
Окрестность,
Дуг,
Цветы...
Запел
Старинный
Ветер:
«О, вспомни, вспомни ты!»

Прошел родимый замок,
Как облако над ней: —
Зубцами

Старых
Башен
Растаял
В бездне
Дней...

з

За порослью лиловою грозился
Старый
Шут:

Над ней, как адский
Пламень

Мелькнул
Его
Лоскут...

На солнечные травы
Упала тень горбом: —
— И

Теневые
Руки
Качались
Над
Цветком!..

Беззвучно колыхалась
Хохочущая
Грудь;
Бубенчики
Запели:

«Забудь,
Забудь,
Забудь!»

На башенных оконцах
Блеснули
Огоньки;
Как змеи,

Шелестели
В тяжелый
Листки.

Горбатый
Серый
Замок
Над лугом в белый день
Крылом — нетопыриным
Развеял

Злую
Тень.

Очнулась королева:
Всему —

— Конец,
Конец! ..
Разбейся же, —
— О, сердце!

Трескучий
Бубенец. . .

Ты, —
— Одуванчик —

Пушинкой облета
Счастл

Пошла,
Роняя

Слезы,
На белый горностаи.

Отмахиваясь веткой
От блещущих стрелков, —
За ней
Седой
Насмешник —

Тяжелый
Шлейф
Понес.

Качались
Стебелечки
Пленительных

Вербан

Между атласных,
Черных,
Обтянутых
Колен.

4

Поток
Рыдает
Пеной,

Клокочет
Бездной
Дней. . .

В решетчатые окна
Влетает снап огней.

Расплатится в воротах
Заржавленный засов:

Пернатый,
Ясный
Рыцарь

Летит
Из тьмы
Веков.

Конем
Кидаясь
В солнце
Над пенистым ручьем, —
Гремит трубою в ветер,

Блится
В даль
Копьем.

Дрожащий
Луч
Играет,
Улав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

И
Бросило
Забрало
Литое серебро
Косматым
Белым
Дымом
Летающее перо.

И
Плещется попона
За
Гривистым конем —

— Малиновым,
Тяжелым,
Протянутым
Крылом.

5
Есть край,
Где старый
Замок
В пучину

Бьющих
Вод
Зубами
Серых
Башен
Глядит —
Который
Год!

Его сжигает
Солнце,
Его дожди
Секут...
Есть
Королевна
В замке
И есть
Горбатый
Шут.

С вершины мшистой
Башни
Гремит в закат
Труба, —
И над мостом
Чугунным
Мелькает тень
Горба:

То за стеной зубчатой
Докучный бег
Минут
Трещеткой деревянной

Отсчитывает
Шут.

О, королева, близко
Спасение твое:
В чугунные ворота
Ударилось копьё!

1911. Боголюбь

РОДИНА

Наскучили
Старые годы...
Измучили:
Сердце,
Скажи им: «Исчезните, старые
Годы!»

И старые
Годы
Исчезнут.

Как тучи, невзгоды
Проплыли.

Над чащей
И чище и слаще
Тяжелый сверкающий воздух;
И — отдыхи:

В сладкие чащи
Несутся зеленые воды.

И песня знакомого
Гнома
Несется вечерним приветом.

«Вернулись
Ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина...
Склоняюсь над вами
Цветами
Из старых столетий...»

Ты, злая година, —
Рассейся!
В уста эти, влейся —
— О, нектар!

Тяжелый, сверкающий воздух
Из пьяного сладкого кубка.

Проснулись:
Вернулись!..

1909. Москва

Звезда

Новые стихи

АСЕ

Едва яснееют огоньки.
Мутнееют склоны, доли, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах — глыбах грозových —
Летуче блещут огнероги.

Невыразимое — нежней...
Неотразимое — упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горячей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерцаньем маревым мятутся.

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

1916. Дорнах

Болота ржавы
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые пни!

1916. Москва

РОССИЯ

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей —
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою — один.

Здесь сонный леший
Трясется в прах.
Здесь — конный, пеший
Несется в снах.

Забота гложет;
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

РОДИНЕ

В години праздных испытаний,
В години мертвой суеты —
Затверденей алмазом брани
В перегоревших углях — Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь в высь, как руки,
Свой святыя пламена —

Туда, — в развалы грозной эры
И в визг космических стихий, —
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

1916. Москва

ДЕКАБРЬ 1916

Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые палаты
Ударил, как иглой.

Светясь, вясь, в морозный морок тая,
Бросает в небо пламена
Тысячецветным светом излитая,
Святая купина.

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

1916. Москва

АСЕ

В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге
Растворена так странно страсть моя...
Пробьет прибой на белопенном берегу,
Плеснет в утес соленая струя.

Вот небеса, наполнясь, как слезами,
Благоуханным блеском вечеров,
Блаженными блистают бирюзами
И — маревом моргающих миров.

И снова в ночь чернеют мне чинары.
Я прошлым сном страданье утолю:
Сицилия... И — страстные гитары...
Палермо, Монреаль... Радес...
Люблю!..

1917. Демьяново

КАРМА

1

Мне грустно... Подожди... Рояль,
Как будто торопясь и споря,
Приоткрывает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дни
Напоминают пенной сменой,
Что мы — мгновенные огни —
Летим развеянную пеной.

Воздушно брызжут дишканти
В далекий берег прежней песней...
И над роялем смотришь ты
Неотразимей и чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятия!
Но — незабытая гроза
Твое чернеющее платье.

2

Мы — роковые глубины,
Глухонемые ураганы, —

Упали в хлынувшие сны,
В тысячелетние туманы.

И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И — возникали беги дней,
Существований перемены.

Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем — пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

з

И знаю я: во мгле миров:
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

Ты — изливала надо мной
Свои бормочущие были
Под фосфорической луной,
Серая вретисцем из пыли.

Ты, возникая из углов,
Тянулась тенью чернорогой,
Подняв мышинный шорох слов
Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;
И пели лунные лучи
В мое расширенное ухо.

4

Летучим фосфором валы
Нам освещают окна дома.
Я вижу молнии из мглы.
И — морок мраморного грома.

Твое лучистое кольцо
Блеснет над матовою гаммой;
И — ночи веют мне в лицо
Своею черной орифламмой.

И — возникают беги дней,
Существований перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

5

Приемлю молча жребий свой,
Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

1917. Поворотка

РОДИНЕ

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пеней,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

1917. Поворотка

Та, звуковая, — золотая;
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная стая.

У той: —

— над златокарей згой
Град Гелиополь: дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Целует цветик, миозотис;
Рогами гранными, как чорт,
Туда — в века, в лазури-ляпис —
Граниторозовый простерт
В нее влюбленный, странный
Апис.

У этой: —

— вытечет титан,
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает,
Очами молний говорит,
Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея-Зевса...

Вот этот вот: он — туп, как . . . пун:
Прочел — приват-доцента Гревса...

дирижирует: Главач¹
дирижирует: Сафонов...²
фанфаронит: часто — врач;
солдафонит: каста «фонов»;
терферируя наш взгляд
озонируя дыханье,
не музыкальный звукоряд
обображает мирозданье —
ит безобразий городских
До тайн безобразий Эреба,
До света образов людских
Многообразиями неба;
Восстонет в ночь эфирный пад,
В зонах гонит бури знаков:
Зелотоколых Ореад,
Златоколых зодиаков...

...
той — ты, как конь, заржавший стих —
Как конь, задравший хвост строками —
Будь прост, четырехстопен, тих:
Те топай в уши мне веками;
Здесь я не проживу ста лет...
I — вот... Я — здесь: студент московский
I — на подъезде...

Люстры свет.

— Алексей Сергееч П-овский...
И — сердца бег, и — сердца стук.

¹ Петербургский дирижер 900-х годов.
² Директор Московской консерватории этого времени.

Сердца — бегут: на звуки. . . Верьте,
В субботу вечером наш круг
На Симфоническом концерте. . .

Проходят, тащатся, текут;
Вокруг — шпалеры кавалеров:
Купцов, ученых, миллионеров
(Седых, муругих, пегих, серых!);
Марковников профессор — тут;
Бурбон. . . И — рой матрон «мегёрных»
И — шу-шу-шу, и — ша-ша-ша,
И — хвост оторван: антраша. . .
Багровая профессорша;
За ней в очках профессор тощий
Несет изглоданные мощи
И — злое, женино боа;
Вот туалет Минангуа: ¹
Одни сплошные валансьены;
И — тонкий торс; и юбка «кклошь», —
Не шумно выблемая рожь,
Не шумно выблемые пены;
Блистая ручкой костяной,
Взлетает веер кружевной. . .
О, эти розовые феи! . .
О эти, голубые! . . Ишь: —

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш.

Графиня толстая, Толстáя,
Уж загляделась в свой лорнет. . .

¹ Модная московская портниха 90-х годов.

Выходит музыкантов стая;
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет. . .
Возня, переговоры. . . Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так пудит блуд. . .
Кто это там пилит и режет?
Натянуто пустое дно, —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И туно, туно бьет оно. . .

О, невозможные моменты:
Струнят и строят инструменты. . .

Вдруг! . .

Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами — стрекозы!
В озонных жилах — пламя роз!
В носу — весенние мимозы!

Она пройдет — озарена:
Огней зарней, неопалимей. . .
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а — «во-имя»! . .
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепётные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провевявшая — трепет;
Кисей вуалева брызнь

И юбка палевая — лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи. . .
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

И я, как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов ног, — без слов, без цел:
Ее потешный палладин. . .
Она — Мадонна Рафаэля!
Пройдет, — мы, вспыхнувши, вздохнем
Идиотически ослабнем. . .
Пройдет с раскосым стариком,
С курносым, с безволосым бабнем —
Пройдет, и сядет в первый ряд,
*Смеясь без мысли и без речи;*¹
И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд —
Все электрические свечи.
И ей бросает оклик свой —
Такой простой, — Танеев-мейстер;
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер.

¹ Стих А. Блока.

² С. И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший директор Московской консерватории.

Взойдет на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымая громкий культ,
Ее почтенный жрец, — Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фяготы, —
Короткий, толстый и седой, —
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув,¹
Душой, манжетом, фалдой, фракком
И лаком лысины метнув, —
Валторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор валторн
Фяготы прорицают хором,
Как речь пророческая Норн,
Как каркнувший Вотанов ворон;
А он, подняв свою ладонь
В речитативы вьолончеля:
— «Валторну строгую не тронь:
Она — Мадонна Рафаэля!»
И после, из седых усов
Надувши пухнувшие губы
На флейт перепелиный зов, —
Приказ выкидывает в трубы;
И под Васильем Ильичом,
Руководимые Гржимали,²
Все скрипканты провизжали,
Поставив ноги калачом.

¹ Впоследствии Сафонов дирижировал без палочки.

² Гржимали, исполнявший первую скрипку оркестра, профессор Московской консерватории.

Бесперый прапор подбородком
Попав впросаки — с'кон'пель —
Пройдет по ноткам, как по водкам
Устами разливая хмель;
Задушен фракком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув, — лысиной Морозов
Надуто лопается в блеск;¹
За ним — в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры:
И чертит *па*, и вертит *туры*
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры,
Играет страстная серьга;
Пятно всё то же щурим ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин² бледным тиком
Необъяснимое чело,
И — пролетит скрипичным криком
В рой гностических эмблем,
Мигая из пустых эонов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов
Там размахавшийся Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и немой,
Как бы вынюхивает что-то;

¹ М. А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

² Посетитель симфонических концертов того времени.

Присядет, вскинув в воздух нос:
Вопрос, разнос во взгляде хитром;
И стойку сделавши, как лёс,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет,
Платком со лба стирает пот;
И разделяется поклоном
Меж первым рядом и балконом.

И постоит, и помолчит,
И по пюпитру постучит:
И — все листы перевернулись;
Сердца, как в бой, сердца —
рванулись. . .

И вновь — вскипающая новь;
И вновь — всклокоченная бровь;
И вновь — пройдутся фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака, —
На возникающий тромбон.

Над пухоперою каргою,
Над чепчиком ее счернён
Жеребчиком мышиним — «он»,
Кто вьется пенною пургою
И льет разменную деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в ней — счернён —
Над ней, над нами, над вселенной
Из дней, своими снами пленный;
Он — тот, который есть не он,
Кому название легион:
Двойкий, многоякий, всякий,

Иль просто окончанье, «ий»,
Виющийся, старинный змий, —
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он — пепелеющая лень
И — тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как чорт, —
Рассудок, комик свинорылый:
К валторне черной он простерт;
Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли, гложащие мышцы, —
В мечты, возвышенные свыше, —
Бросает сверженную сушь:
Сухую прописную чушь;
Упавшим фраком ночь простерши,
Кликуши-души — ходит он —
Кликуши-души — горше, горше —
Упавшим фраком — душит: в сон! . .

Черней, упорней гром в валторне:
Грознее, озорней Она,
Грозой молниеносной, горней —
Грозою гор озарена: —

— Так дымом пепелит и мглоет
Виеголовый, мгловый слой;
Как змий, он отдымит, ответ
В багровом горизонте мглой:
Слезам облако, светая,
Слезам полное, молчит;
И в волны, в воздух — тая, тая, —
Глазами молнии дрожит,

Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —

Души — Марию врящей Марфы —
Из просветленной глубины! . .

И бросят в арфы — шали, шарфы,
Вдыхая раей дорогой, —
Вон те — Марии, эти — Марфы,
Над жизнью, старою каргой.

Вы, сестры —

(. . . . .)

Меня примите из могилы,
Светите оком — Той, Одной —
Мечтой вуалевой, как трепет,
Несущей далевую жизнь
На опечаленный мой лепет
Сквозь звуков маревную жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, миозотис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септ-аккорд:
И взор, читая звуков запись,
Над миром —
— Аписом —
— простерт!

Перебегает по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,

Их опалая меланитом,
Таимый розовый огонь.

С неименуемою силой
С неизреченных аллюзий
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.

Так из блистающих лазурей
*Глазами полными огня,*¹
Ты запевающе бурей
Забриллиантилась — в меня:
Из вышины — разгулы света;
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний-лета
До ужаса — Тобой: Самой!
Ты на меня сходила снами
Из миротворной тишины:
Моей застенчивой весны
Оголубила глубинами;
И мне открылась звуком бурь
Катастрофической цевницы
И милоглазая лазурь,
И поцелуйная денница:
Ее, о время, — опурпурь!

Благонамеренные люди,
Благоразумью отданы:

¹ Строка Лермонтова «С глазами полными лазурного огня» перешла в тему Вл. Соловьева «Три свидания», откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

Не им, не им вздыхать о чуде,
Не им — святые ерунды. . .
О, не летающие! К тверди
Не поднимающие глаз!
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас!
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет!) —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст дамасский свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так не безумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна.
В вас несвершаемые леты
Неутоляемой алчбы —
Неразрывные миголеты
Неотражаемой судьбы. . .
Жена — в постели; в кухне — повар;
И — положение, и вес;
И положительный ваш говор
Переполняет свод небес:
Так выбивают полотеры
Пустые, пыльные ковры. . .
У вас — потухнувшие взоры. . .
Для вас и небо — без игры!

. . . . .
Мои мистические дали
Смычком взвивались заливным,
Смычком плаксивым и родным —
Смычком профессора Гржимали:
Он под Васильем Ильичом

(Расставив ноги калачом), —
Который, —

— чаля из эонов

На шар земной, — объятый тьмой,
Рукою твердой на тромбонах
Плывет назад — в Москву, домой:
Слетит, в телодвиженье хитром
Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет,
Сопит и капли пота льет,
И, повернувшись к первой скрипке,
Жмет руки и дарит улыбки,
Главой склоняясь в первый ряд,
Где на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд
Все электрические свечи;
Задушен фрак, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной, — Морозов
Надуто лопается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «во-имя», —
Надежда Львовна Зарина;
Вуали — лепетные слезы;
Браслеты — трепетный восторг;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи...

— «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?»

— «Не знаю я...»

— «Быть может?»

— «Да!»

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фракот отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И — ша-ша-ша: шуршат, спеша,
Атласами спускаясь с хоров...
— «Не та калоша: Каллаша!»¹
Стыдливо низится Егоров;²
Лысеет химик Каблуков³ —
Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос⁴ — по воле рока
Он, вы представьте, — без Шенрока!
Выходим!..

¹ Каллаш — московский писатель и критик.

² Математик.

³ Профессор Московского университета.

⁴ Присяжный поверенный Нос — посетитель
концертов того времени.

После разлуки

ПРОМ. ВЯ —
(ИЗ ЦИКЛА «МАЛЕНЬКИЙ БАЛАГАН
НА МАЛЕНЬКОЙ ПЛАНЕТЕ «ЗЕМЛЯ»)

1

Сердце — исплакалось: плакать —
Нет
Мóчи!..

Сердце мое, —
Замолчи и замри: —
В золотоокие, долгие ночи,
В золотокарие
Гари
Зари... .

2

Из фиолетовых
Там —
Расстояний —

Молний малиновых нах
Миготня... .

Смотрит браслетами
Ясных
Сияний

Бор —
Красностволый — на
Дня.

3

В этом
С судьбою —
— С тобою —
Не спорящем
Взоре, —

Светами
Полнится
Тихая даль.

Летами
Молнится
Тихое горе, —

Тысячелетием плачет печаль.

4

Впейся в меня
Зриллиантами
Взгляда... .

Под ампантовым
Небом
Сгори.

Пей
Просияние сладкого яда, —

Золотокарие
Гари
Зари.

1922

*⟨ Стихи, написанные
в последние годы жизни ⟩*

СЕРДЦЕ

Сердце, ты — птенчик;
Свой щebet —
Уйми:
Розовый венчик
Зари —
Подними. . .

Росы — белисыя;
Ясни
И — гам;
Солнечны вязы
И ясени —
Там

Детское сердце, —
Раскрылись
Цветы.

Легкие
Лепеты
Листиков
— ты.

1901—1921. Москва

Июльский день сверкает строго.
Неовлажненная земля.
Неперерывная дорога.
Неперерывные поля.
А пыльный полудневный пламень
Немою глыбой голубой
Упал на грудь, как мутный камень
Непререкаемой судьбой.

Недаром иструились долы,
И облака сложились в высь.
И каплей теплой и тяжелой,
Заговорив, оборвались.
С неизъяснимостью бездонной
Молочный, ломкий, молодой,
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Неизъяснимой глубины.

(1924)

СЕСТРЕ

К. Н. Бугасовой

Не лепет лоз, не плеск воды печальный
И не звезды изыскренной алмаз, —
А ты, а ты, а — голос твой хрустальный
И блеск твоих невыразимых глаз. . .

Редет мгла, в которой ты меня
Едва найдя, сама изнемогая,
Воссоздала влиянием огня,
Сиянием меня во мне слагая.

Я — твой мираж, заплакавший росой.
Ты — над природой, молодая Геба,
Светлеешь самородною красой
В миражами заплакавшее небо.

Всё, просияв, — несет твои слова:
И треск стрекоз, и зреющие всходы,
И трепет трав, теплеющих едва,
И лепет лоз в серебряные воды.

1926. Кучино

Мигнет медовой желтизною
Скатов;
Пахнёт в окно сосною
Смоляной;
Лимонна — бабочка... И томно
Матов
Над голубем голубизною
Зной.

Из-за чехла — мельканье мелкой
Моли;
Из сердца — слов веселый
Перещёлк.
Мне не к лицу лирические
Роли:
Не подберешь безутолочи
Толк.

Я над собой — песчанистою
Дюной —
В который раз пророс живой
Травой!
Вспорхнув, веду, — нелепо, глупо,
Юно, —
В который раз — напев щеглячий
Свой.

В который раз мне в близни,
И милы, —
Кустов малиновые
Листики, —
Целительно расплещенные
Силы
И длительно обещенные
Сны.

В который раз мне — из меня —
Дохла
Сознанию незнаемая
Мощь, —
Волной неумолкаемого
Гула,
Парной жарой и птичьим щелком
Рощ.

1926. Кучино

ЛЕО

*И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом*

А. Пушкин.

Ныряя в сумерок дубравный,
Здесь суматошливые фавны
Язык показывают свой,
И бродит карла своенравный,
Как гриб, напучась головой;

С угрюмым горбуном Аммосом
Дивуется перловым росам
Из бледнопалевого дня;
Уставясь безобразным носом,
Слезливо смотрит на меня.

Я шляпу перед ним сметаю:
«Мое почтенье-с!..» А Аммос —
Пасет, внимая лепетаю,
Свою блистающую стаю
Тяжелых, добрых, желтых ос;

Глядит в ручей курчавый, пенный;
И под сосной зеленотенной
Пускает из ноздрей туман;

И над сосной встает надменный
И сухопарый великан.

И суматошится день целый
В лесной пещере тот же гном;
Багровый, злой, остервенелый, —
Кует серебряные стрелы,
Приготовляет к ночи гром.

Готово! Тучищу пропучит;
Она — моргает и ползет;
Над лесом гребень додерючит;
А ветер из ветвей мяучит,
Как сумасшедший, дикий кот.

И кто-то скачет вдоль дороги,
Свои вытягивая ноги,
На перепрелый, серый пень...
Маячит — сумрак чернорогий;
И плачет белоногий день.

1931. Кучино

ТИМПАН

Поднял голос упорный,

Лукавый

Как Пан —

— И —

— Отрывистый —

— Гривистый

Черный

Курчавый —

— Тимпан.

Точно сон

Из забвения;

Точно хитон

Фиолетовый —

— Флейты —

— В день

Трепетный

Пение.

Сафо, —

Из шарфа

Душистым,

Как воздух,

Лицом —

Оварилась

На звук. . .

Арфа —

— Струилась —

— Ручьем —

— Серебристым —

— Из рук!

1931. Кучино

СОДЕРЖАНИЕ

О поэзии Андрея Белого. *Статья Цезаря Вольпе* 3

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Золото в лазури

Золотое руно

1. «Золотая, эфир просветится» . . . 55
2. «Пожаром неба склон объят» . . . 56

⟨Из цикла «Закаты»⟩

1. «Даль — без конца. Качается лениво» 58
2. «Шатаюсь, склоняется колос» . . . 59

⟨Из цикла «Вечный зов»⟩

1. «Пронизала вершины дерев»... 60

⟨Из цикла «Три стихотворения»⟩ —

2. «Поет облетающий лес» 62

Образ вечности 63

В полях 66

Прежде и теперь

Объяснение в любви 67

Ссора 69

Отставной военный	71
Весна	74
Из окна	76
На окраине города	78

Образы

⟨Из цикла «Поединок»⟩

1. «Из дали грозной Тор воинственный» 79

Битва 81

На горах 83

Игры кентавров 85

Серенада 87

Багряница в терниях

Знаю 89

Безумец

1. «Вы шумите. Табачная грязь» . . . 91

2. «Помним всё. Он молчал» 92

3. «Здесь безумец живет» 93

ПЕЩЕЛ

Россия

Отчаянье 96

Деревня 98

Шоссе 100

Из окна вагона 101

Телеграфист 102

В вагоне 107

Станция 109

Бурьян 112

Веселье на Руси	115
Русь	117
Родина	118

Д е р е в н я

Купец	119
Предчувствие	121

П а у т и н а

Судьба	122
------------------	-----

Г о р о д

Маскарад	126
Пир	130
На улице	133
Похороны	134

Б е з у м и е

В полях	136
Матери	138
Полевой пророк	139
Друзьям	140

П р о с в е т ы

Поповна	144
Тройка	146
Живец	148

Г о р е м ы к и

Изгнанник	149
Бегство	151
Хулиганская песенка	154

У Р Н А

В. Брюсову

1. Поэт	155
2. Созидатель	157

З и м а

Зима	160
Весна	162
В поле	163
Совість	165

Р а з у в е р е н ь я

Ночь («Изгложет, гложет ствол тяже- лый ветер»)	167
Ночь («Как минул вешний пыл, так ми- нул страстный вной»)	169

Ф и л о с о ф и ч е с к а я г р у с т ь

Премудрость	170
Мой друг	172
Ночью на кладбище	174
Под окном	175

Т р и с т и и

Кольцо	176
Прошлому	177
Жалоба	179

Д у м ы

Ночь и утро	180
Просветление	181

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ

Шут	183
Родина	193

ЗВЕЗДА

Асе («Едва яснеют огоньки»)	195
Россия	196
Родине («В години праздных испытаний»)	198
Декабрь 1916	199
Асе («В безгневном сне, в гнетущегрустной неге»)	200
Карма	201
Родине («Рыдай, буревая стихия»)	204
К России	206

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

«Глава третья»	207
--------------------------	-----

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Из цикла «Маленький балаган на маленькой планете «Земля» Сердце исплакалось	222
--	-----

(СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ)

Сердце	225
«Июльский день сверкает строго»	226
Сестре	227
«Мигнет медовой желтизной»	228
Лес	230
Тимпан	232

Ответств. редактор **Н. Степанов.**
Технич. редактор **А. Кирпарская.**
Корректор **Р. Бекетова.**

Художник **В. Двораковский.**

Леноблгорлит № 3425. С. II. — 13/Л.
Тир. 10000. Сдано в набор. 28. II
1939 г. Подписано к печати 2/VII
1939 г. Печ. л. 5³/₄. Уч. автор л. 9,1.
Бум. л. 17¹/₈. Формат бум. 70×109¹/₆₄.
Колич. знаков. в 1 бум. л. 149000.
Набрано в тип. „Печатный двор“
им. М. Горького. Отпечатано с мат-
риц. в тип. „Ленинградская Правда“,
Ленинград, Социалистическая, 14.
Заказ № 11617

В р. Переплет 1 р.